

ОБОРОТНИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Джейд Дэвлин
Мстислава Чёрная
Оборотни особого назначения

fb2 предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69544141

Аннотация

Похитили в иной мир и заперли? Напрасно. Я покажу, кто в джунглях самый крутой зверь! Спасу друзей и отыщу своего единственного! Ах да, враги, берегитесь сковородки!

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	81
Глава 10	89
Глава 11	97
Глава 12	103
Глава 13	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джейд Дэвлин, Мстислава Чёрная Оборотни особого назначения

Глава 1

– Точка, точка, запятая, вышла рожица кривая! – напевала я, бездумно глядя в проносящиеся за стеклом электрички полудохлые кущи. Осень, лысень, все дела... понесло ж меня на эту дачу! И телефон разрядился, даже не считаешь в дороге.

– Точка, точка, запятая... – в детстве меня дико бесила эта дразнилка. Это меня так в детдоме доводили, за то, что я, когда совсем маленькая была, не могла нормально выговорить собственное имя. Антонина в моей голове трансформировалась в Антошку, ну а на практике получалась Анточка.

Точка. Так я Точкой на всю жизнь и осталась.

Просто из «рожицы кривой» превратилась в последний аргумент любого спора. Потому что все выучили – если тихая пофигистка Точка сказала «точка», то расходимся, народ, пока нам таких запятых по огуречикам не выписали,

что никаких человечек не останется. Я маленькая была, но верткая, жилистая и долбанутая. Если довели дело до драки – все, спасайся, кто может, дралась, чем под руку попадет, до последней капли врага.

Собственно, я такая и осталась, просто поумнела, набралась опыта и научилась лучше сдерживаться. А что взгляд у меня тяжелый... ну извиняйте. Тяжелое детство, деревянные игрушки, общая спальня, комната в коммуналке на совершеннолетие. И поступила в институт питания не просто так.

Во-первых, детдомовец всегда к еде относится трепетно, а, во-вторых, какие там ножи на профессиональной кухне... мечта! У меня когда-нибудь обязательно будет свой ресторан, своя кухня в стиле хай-тек на башке у готического хоббита и набор лучших японских ножей!

Офигительно обшарпанный полустанок с романтичным названием «Улиткино» случился ровно в тот момент, когда я окончательно озверела от безделья. В пустом вагоне были прочитаны все объявления и послано нафиг двое несунув с китайским ширпотребом за хренидофигальен денег.

Короче, не знаю, кому больше повезло – мне, электричке, или третьему несуну с «абсолютно необходимым в хозяйстве» комплектом одноразовых зажигалок. Выбравшись на мокрую от дождя платформу, я перешагнула ветвистую трещину в бетоне, огляделась и почти сразу увидела наших. Хм, молодцы, дождались. Прямо приятно. Теперь все семе-

ро здесь – четверо пацанов и трое девчонок. Наш детдомовский костяк. Мафия. Семья.

– О! Точка! – радостно заорал рыжий Славка. – Явилась, профессорша кислых щей! Что, никак нельзя было последнюю пару прогулять? – он демонстративно петушился и строил из себя крутого, а сам косил на меня лиловым, как у призового иноходца, глазом. Потому как повиступать хотелось, а по рыжей башке – нет. – Че там, суперсекретный рецепт манной каши преподавали?

Народ сдержанно похихикал, а я, подойдя, добродушно ткнула кулаком в Славкину поясницу.

– Спецом для таких младенцев, как ты, – и пояснила, глядя, как рыжий, закатив глаза, сделал вид, что поражен в самое сердце. – Для усиленного питания мозга. Хотя что там питать... Ладно. Все в сборе? А где эта? Л-лена-а? – я нарочно протянула звуки, имитируя легкий прибалтийский акцент означенной Лены. Потом пощелкала пальцами в воздухе и невольно чуть поморщилась. Не нравилась мне новенькая. И даже то, что ехали мы на дачу именно к ней, не улучшило ситуации.

Я все не могла никак уловить, что с ней не так, и почему у меня на неё шерсть дыбом встаёт. Ну, жила за границей. Слова тянет. Всегда ухоженно-напомаженная. Но с детдомовцами общаться не брезгует, нос не задирает. Почему меня она бесит? Не знаю. Глубинное неприятие, на уровне инстинктов. Вот только Бор на нее всерьез запал, и свое мне-

ние приходилось держать при себе. Во всяком случае, пока.

– Эй, Точка! Проснись! Спать на лекциях надо, как все нормальные студенты делают.

Опять Славка.

– Задумалась, – буркнула я. – Так где там наша Л-лена?

– Да идет уже, идет, я ж только что сказал, – гулко отозвался Бер. Эх, ну что за непруха! Он же самый крутой из нас, бессменный лидер мафии с самых сопливых времен. И, как назло, весь его мозг испарился, стоило этой тощей швабре покрутить у него перед носом блондинистой шевелюрой и подтянутой задницей. Вот зараза, не зря говорят, что если уж сильный мужик влюбляется, то это полный отвал башки.

Мы всей мафией... то есть, скорее, всей девчачьей ее частью тихо скрипели зубами уже почти месяц. Белобрысая выпендрейница не нравилась никому. Но Беру ж попробуй скажи... эх.

Ленка явилась минут через пять. Поднялась на платформу, потрянула волосами, уложенными прядка к прядке, но при этом каким-то чудом сохраняющими иллюзию естественности. Идеально выверенный макияж, будто художник лицо рисовал.

Сама-то я не крашусь. Хорошая косметика денег стоит, которых у меня нет, а дешёвка, она дешёвка и есть. Я себе не враг, чтоб всякой дрянью в глаза тыкать. Вон, помню, Таха, наша потеснённая Ленкой королева красоты, раздобыла где-то просроченную подводку от Dior, радовалась, дурочка,

накрасилась, глазищи совиные намалевала, а не следующий день глаза опухли и не открывались, никакие компрессы не помогли. Три дня слепышом гуляла. Тьфу, ругаться хочется.

– То-оня, ты приехала. День! – Ленка снова элегантно тряхнула белобрысой гривой и протянула мне руку. Покосившись на мечтательную рожу Бера, я ее пожала, конечно, но...

И приветствие у неё дурацкое. Во-первых, никогда не говорит нормальный «привет». Вечно «утро», «день». Во-вторых, имя по-своему переиначивает. Никакая я не Тоня, чтоб её.

Лена так сладко улыбнулась, что меня чуть не стошнило от её приторности. Вот не понимаю, что в ней Бер нашёл? Лучше бы он на Тахе женился. Хотя у Тахи в голове, кроме парней и забот о внешности, ничего как будто и нет. А Беру кого поумнее подавай. Но блин, поумнее! А не постервознее. Неужели мужики не секут разницу?

Не-а. Это только мы с Гюрзой одинаково переглянулись у этой выдры за спиной и одинаково же едва заметно скривились. Гюрза, которая с дошкольной группы терпеть не могла свое восточное имя «Зухра», перекинула через плечо толстенную черную косу и многозначительно закатила чуть раскосые глаза-сливы.

– Идём, наконец? – шумно поинтересовался Славка.

Мы и потянулись за Ленкой. Бер галантно подхватил ее под руку, Славка терся вокруг и распускал перья, я приткну-

лась под бок к Антону, Гюрза и Таха с двух сторон повисли на Дарке и о чем-то оживленно болтали.

По-хорошему, от платформы до дачи нужно было ехать на машине, далековато пешкотопить. Общественный транспорт в дачный посёлок не ходил. Такси никому из нас не по карману. Вот и пришлось чесать по шоссе через лес.

Листья падали и шуршали, комары ещё не сошли. Я прихлопнула гада, нагло спикировавшего жалом вперед прямо мне в щеку. Ант глянул из-под отросшей чёлки, тихо хмыкнул, и, как всегда, промолчал. Ант у нас вообще черный ящик. Нужно его очень хорошо знать, чтобы понять, что там прячется за невозмутимой каменной физиономией древнего казахского воина.

Впрочем, пока дошли, плохое настроение улетучилось. Осенний лес я всегда любила, а вдоль едва протоптанной тропинки, ведущей от дороги к дачному массиву еще торчали поредевший кустики переспелой черники, вызвавший у диких голодных студентов неприличный восторг. Гюрза нашла под почти облетевшей осиной белый гриб, и Ленка, стараясь скрыть досаду, вынуждена была ждать, пока разбежавшееся по кустам стадо обшарит окрестности. Дык жратва! Бесплатная! Какой детдомовец пропустит?

– Точка, жарехой побалуешь? С картошечкой? – умильно заглянул мне в глаза Славка, оценив увесистый пакет с грибами, который минут через сорок мы торжественно вручили Дарку, как самому грузоподъемному.

– А то! – я прямо на глазах подобрела. Люблю запасы делать.

– Я не знаю, остался ли в баллоне газ, – кислогато предупредила Ленка, снова прицепляясь к Беру.

– Ничего, на крайняк костром обойдусь, – я потрепала по необхватному бицепсу нашего белокурого красавца-викинга с эпичным именем «Дарк», получила от него умильное хлопанье ресниц голодного котика и окончательно решила, что хрен с ней, с Леной, выходные на природе все равно хорошая затея. Тем более, что мы давно уже вместе не отдыхали.

В целом день удался. Картошка на большой и немного облезлой даче середины прошлого века нашлась, здоровенную чугунную сковородку удалось откопать на чердаке, и, хотя газа в кухонном баллоне действительно не было, жареха на углях от этого только выиграла.

– Лен, а твои родоки не продадут мне эту сковородку? – я прижмурилась от сытости и удовольствия и смотрела на огонь, втиснувшись между Антом и Гюрзой на деревянную ступень чуть покосившегося крылечка.

– Смеешься, что ли? – хмыкнула белобрысая зараза, которую я даже готова была немного полюбить за такую замечательную кухонную утварь. – Да она на чердаке пятьдесят лет никому не нужная валялась, и еще столько же пролежала бы. Нужна – забирай.

– Вот спасибо, добрая женщина, – я знала, что со стороны моя довольно расплывшаяся моська с блаженно прищу-

ренными глазенками похожа на мордочку какого-то хитрого зверька, но совершенно не комплексовала по этому поводу. Тем более, что именно на такую реакцию и рассчитывала – какие, нафиг, деньги у бедной студентки? Но я не выпросила милостыньку, а честно предложила сделку. Если же хозяевам финансы не нужны – это их проблемы.

А сковорода зачетнейшая, ее на чердак закинули почти новой, ни капли не прогоревшей, даже длинная ручка с деревянными накладками почти не поцарапана. Моя пре-елесьть!

Как только последний жареный гриб исчез в ненасытной утробе Рыжего, я утащила свое сокровище в сторонку и принялась оттирать ее песочком, не обращая внимания на добродушные смешки ребят. И вернулась только через полчаса, когда вся компания у костра уже о чем-то оживленно спорила.

Кажется, они обсуждали какую-то ролевую игру, из рук в руки передавая странную штуковину, похожую на выкованный когда-то в древности слепым кузнецом портрет мобильного. Ну, изображение «экрана» там, во всяком случае было, и следы каменного кривого молотка на рамке тоже. А еще из этой фигни торчали странные железные лепестки с картинками, их можно было поворачивать и пластинки на «экране» менялись, показывая разные узоры.

– О, Точка! – возбудился Рыжий. – Ты же зверя не выбирала? Давай быстрее!

– Какого еще зверя? – я аккуратно пристроила сковородку

на ступеньку и села. – Вы тут все грибов переели, что ли? Гюрза опять мухомор втихаря подбросила?

Народ заржал и чуть не хором начал объяснять мне, что это будет клевая игра вроде компьютерной, только еще лучше. И каждый должен выбрать себе зверя, в которого хотел бы превратиться.

– Да мне и выбирать не надо, я и так знаю, какой зверь самый крутой в этом зоопарке, – усмехнулась я, забирая из Тахиных рук странный артефакт.

– Опять медоед?! – демонстративно застонал Славка, Те-ха шутливо прикрыла голову руками, а остальные опять заржали. – Дался тебе этот мелкий вонючий барсук! Точка! Давай ты будешь... ну не знаю... хочешь, тигрицей?

– Ннеа. Медоед я по жизни, – усмехнулась я.

– Пфф. Львица – царица зверей, легендарная волчица вскормила Ромула и Рэма, орлицы взмывают высоко в поднебесье, – Ленкино ворчание только уверило меня в моём выборе, тем более на мифы и прочую бабайкину лабуду у меня аллергия.

– Где ты только вычитала про эту пакость, – хмыкнул Бер. – Ладно. Смотри, надо прижать вот тут, представить себе своего зверя и громко сказать: «Я выбираю тебя!»

– Детский сад, трусы на лямках, – мое ворчание никто привычно не услышал, народ галдел, обсуждал будущую игру и радовался жизни. Правда, через пару минут они угомонились и выжидательно уставились на меня. Я вздохнула –

отрываться от мафии не хотелось. Игра так игра.

– Медоед! Я выбираю тебя! – чертов лепесток выскользнул из пальцев и царапнул почти до крови. Или не почти? А, фигня, через две минуты забуду...

Я пососала палец и передала фиговину протянувшей руку Лене. Мельком глянула, как она непонятным образом перещелкивает лепестки странной фигни.

Ленка убрала игрушку и предложила:

– Зябко становится... давайте баню затопим?

– А здесь есть баня? – обрадовался Бер, явно заинтересованный в Ленкином неглиже. – Давай!

Баню мы затопили, вода уже была в огромном черном жестяном баке, так что через два часа мы уже сидели в предбаннике в одних простынях, заботливо выданных хозяйкой. Париться бегали по очереди, девочки и мальчики, ибо Бер общего разврата не одобрял. Хотя сам бы охотно занырнул в парилку вдвоем с белобрысой прелестницей.

– Точка, да оставь ты свою сковородку! – Славка, пытавшийся пристроиться на деревянной лавке между мной и Тахой, наткнулся на мою прелесть и развозмушался. – Украдет ее у тебя кто-то? Зачем в баню-то притащила?

– За надом, – отрезала я, стесняясь объяснять, что просто... ну... ну вот у кого-то в детстве был любимый плюшевый мишка, а у меня теперь есть любимая сковородка, и я не в силах с ней расстаться даже на пять минут.

Славка махнул рукой и плюхнулся с другой стороны.

У Ленки оказалось еще и пиво, в маленьком старом холодильнике стояла целая батарея бутылок. Я не любительница, но под парную зашло на удивление хорошо. Вот только после третьей кружки я внезапно почувствовала себя странно. словно слишком быстро опьянела, причем дурным каким-то, нездоровым хмелем.

Я попыталась что-то сказать и с ужасом обнаружила, что язык отнялся, а ребята вокруг тоже выглядят... осоловелыми? Глаза сами скользили с одного лица к другому, пока не наткнулись на Лену.

У меня несуществующая шерсть встала дыбом вдоль хребта. Эта... девка улыбалась так зло и предвкушающе, так высокомерно и презрительно...

А в следующую секунду мир поплыл вбок, подернулся белесым туманом и исчез.

Последнее, что я запомнила – шероховатую поверхность сковородной ручки в руке. Уже теряя сознание, я рефлексивно нашарила ее и сжала... зачем? Это я уже не успела понять.

– Вот вцепилась, тварь, не отодрать.

– Да брось, шатт с ней, при обороте сама отпустит.

– А если нет?

– Ты видел, кого она выбрала? Все равно почти наверняка на мясо, так что если покорежит при обороте – никто не заплачет. Грузи... вот так.

Голоса звучали то далеко, то почти рядом, но я не могла на

них сосредоточиться. Такое впечатление... что я отравилась. Было когда-то такое, мы с Тахой в пригостишке от жадности обожрались просроченными конфетами, приготовленными на помойку. Тогда я впервые познакомилась с реанимацией и навсегда возненавидела шоколад.

Вот тогда точно так же переговаривались врачи в скорой, пока нас везли на промывание. Но сейчас... мне было трудно сосредоточиться, но разговор все равно был какой-то... не врачебный!

Туман потихонечку редел, и из него нарисовалась сначала эта белобрысая сука, что нас отравила, а потом еще два каких то амбала, бесцеремонно сдиравших с ребят простыни и, как кукол, кидавших их в какую-то клетку на колесах. Когда подошла моя очередь, один из них недовольно заворчал, поняв, что я, несмотря на чертов паралич, только крепче вцепилась в сковородку:

– Она так и не выпустила свою пакость.

– Сказала же: оставь.

Лена отвесила грузчику неслабый подзатыльник. Мужчины лишь зло сверкнул глазами, но ничего не сказал, забросил меня к ребятам, запер клетку и молча впрягся в тележку. Второй амбал упёрся в клетку сзади и подтолкнул. Так и поехали.

Лена неторопливо двинулась рядом, мурлыча под нос весёлую мелодию, отдававшуюся в голове мерзким комариным писком. Гадина! Куда нас везут, зачем?! Явно не в парк раз-

влечений... надеюсь, ребята живы!

Отвезли нас недалеко. Амбалы выкатили клеть во двор, дотащили до свободного пространства, некогда занятого садом. Мы еще днем заметили, что все деревья безжалостно выпилены, остались лишь пеньки. Гадина объяснила, что они были старые и мертвые, а весной родственники планируют выкорчевать пни и разбить здесь газон.

Белобрысая тварь что-то невнятно вякнула и заткнулась. Амбалы засуетились, разворачивая клеть, а потом и вовсе забрались на ее крышу.

– Ногу подбери, придурок! Хочешь инвалидом стать? – Ещё один смачный шлепок. По ноге, что ли? Какая она драчунья, оказывается.

– Помоги, болвана кусок!

Амбал свесился с клетки, покорно обнял белобрысую и бережно втянул ее наверх. Ленка устроилась между грузчиками, отдала ещё пару указаний, а потом сверкнуло, бабахнуло. Вспышка света ударила по глазам, ослепляя. Кажется, кто-то из ребят глухо застонал. Значит, живой! Значит, еще поборемся...

Послышалась возня, звук глухого удара, будто с клетки прыгнули на каменный пол.

Когда зрение вернулось, я действительно увидела камень: каменный пол, каменные стены, каменный свод.

– Быстрее, бездари! – рывкнула Лена. – Ну! Эй, Чуй, шевелись, обезьяна!

– Уже здесь, шасса! Уже здесь! Старый Чуй рад видеть шассу с такой знатной добычей!

Как он к ней обратится? Что еще за шасса такая? Может, я все же брежу?

– Выгружайте, – распорядилась белобрысая. – А ты, Чуй, пасть закрой. Вечно всякий бред несёшь. Давай мне первый ошейник.

– Шасса, эту, со сковородкой, первой выгружать? – уточнил амбал.

– Да, быстрее, работайте! Надень на нее строгач, эта сучка мне еще там не понравилась, все зыркала своими глазюками, словно что-то подозревала. Её в отдельный загон.

– Шасса, у нас сейчас всего три загона для новичков свободно. А строгача Чуй не захватил, строгача новеньким не одевают... Уй!

Как же она любит лупить направо и налево. Неведомый Чуй отхватил. Кажется, она ему ещё и ухо выкрутила.

– Шасса, смилуйтесь! – раздался жалобный взвизг и скулеж. – Чуй не виноват, Чуй исполняет приказ большого шасса!

Я все это наблюдала из под ресниц, стараясь делать это незаметно. Если неизвестные похитители поймут, что я почти пришла в себя – не знаю, чем это закончится.

Вот белобрысая коза откопала в ящике, удерживаемом Чуем двумя руками, толстую чёрную полосу с мелкой россыпью металлических клепок, похожих на тупые шипы, шаг-

нула ко мне, присела на корточки, больно ухватила за волосы.

– Неужто очухивается? Надо же... от такой дозы не должна. Впрочем, тебе это не поможет, моя дорогая.

Да если бы я пришла в себя... ты бы этот ошейник сожрала, гадина! Но нет... голова бессильно мотнулась, откинулась на каменный пол и «Лена» застегнула ошейник. Шипами внутрь, сука!

– В отдельный её.

Амбал подхватил меня за ноги и куда-то потащил, я каждый выступ затылком и спиной пересчитала, но сковородку не выпустила. Ощутила и небольшой порожек, а потом поняла, что амбал закинул меня в очередную клетку с частыми железными прутьями.

Лязгнули запоры. Сколько их? Десять? Двадцать? Замки, засовы, щеколды, невесть что.

А гадина ещё и подошла, проверила, ухмыльнулась.

– Знаешь, барсучишка, я, пожалуй, лично за твоё воспитание возьмусь.

Дрянь.

Лена отвернулась.

– Что застыли-вылупились?! Разгружайте! Сказала же. Девочек отдельно.

Амбалы вытащили из клетки Таху и Зухру. Похоже, девочкам совсем худо. Глаза закрыты, дышат неровно и как-то поверхностно. Может, и права Ленка, я по сравнению с

ними огурчик. Девочкам одели ошейники, обычные тонкие полоски. Без шипов и прочего изврата.

– Туда их! – Лена указала на соседнюю клетку, отделенную от моего загона решетчатой стеной.

Девочками повезло. Амбалы не стали ворочать их за ноги, а каждый подхватил по безвольному телу и понёс в клетку, причём тот, который Гюрзу тащил, пока Ленка не смотрела, ее ещё и полапал. Хорошо, что Гюрза без сознания.

Девочек сбросили на пол. А ничего, что камень холодный, а они голышом?! Ведь застудятся. Черт, о чём я думаю? О том, что я не застужусь, потому что еще минут пять и я смогу встать на ноги, а девки так и валяются в отрубе голой жопой на холодном...

Амбалы раскатали их по разным углам клетки и вышли. Я почувствовала невольное облегчение. Вроде бы понятно, что дальше лапанья не пойдёт, но мерзко и страшно.

Снова лязгнули запоры, всего пяток.

– Теперь эти, – распорядилась Ленка.

Парней просто сбросили с телеги к ногам твари. Белобрысая довольным жадным взглядом окинула тела. Она их...? Нет, просто лично ошейники напялила. Беру почти такой же, как мне, с шипами внутрь, Славке и Дарку обычные, но в отличии от девочек, из толстой кожи и с металлическим замком.

Беру, интересно, за что? Я-то ладно. Сразу на нее косилась, с первой встречи. А он же щенком вокруг сучки вился

и только что хвостом не вилял.

Анту, нашему восточному мальчику, Ленка уделила особое внимание. Не торопясь, провела по груди, шлёпнула по бедру, оставила на животе глубокую царапину.

– Знаешь, Точка, – гадина обернулась и улыбнулась, словно точно знала, что я совсем пришла в себя и подглядываю, – им я тоже займусь лично. Сладкий котик. С тобой просто поиграю, а его воспитанием займусь всерьёз.

Кто сладкий котик, Ант? Обломись, стерва, из Анта котик, как из тебя крем-брюле! Вот очнется... на него у меня самая большая надежда. Ант голова, вместе мы разберемся, в какое дерьмо ты нас втравила и оторвем тебе башку!

А она всё уняться не могла, развернулась, чтобы мне видно было и продолжила наглаживать, пощипывать.

А я радовалась, что парни до сих пор в глухом отрубе, иначе их бы стошнило.

– Шасса, время, – забеспокоился Чуй. Он и правда был похож на огромную гориллу – сутулый, с длинными руками и кривыми ногами, мощной челюстью и массивными надбровными дугами, под которыми утонули малюсенькие глазки.

– Не смей. Мне. Мешать.

Ленка поднялась с корточек и вновь огрела Чуя кулаком по голове. Гориллоид втянул башку в плечи и слезливо пискнул.

– Грузите, – велела гадина.

Амбалы, как дрова, покидали ребят в третью клетку – она

располагалась дальше в ряду, сразу за девчачьей, и я ее тоже могла видеть. Особое отношение вновь перепало Анту, его сгрузили относительно бережно.

– Приятного времяпровождения, зверюшки! – проворковала на прощание тварь, достала из кармана ту самую игровую фигну, об которую я порезалась у костра, и резко надавила на середину «экрана».

И пришла боль. Нет, БОЛЬ!

Глава 2

Я пришла в себя от того, что рядом кто-то тонко и жалобно скулил. Все тело затекло и казалось настолько деревянным, что шевельнись – и пойдешь трещинами от боли.

Но скулеж не прекращался, он ввинчивался в мозг раскаленным ржавым шурупом, отдавался эхом в черепной коробке, и скоро мне стало казаться, что скулит не один голос, а два... три... шесть...

Я не выдержала и дернулась, издав, к собственному изумлению, такой же скулеж. Это чего?!

Прямо перед моим лицом какой-то зверь сложил мохнатые толстые лапки, вооруженные нехилыми когтями. Лапы дергались, скребли когтищами по полу, да так, что на камнях оставались следы.

Едрить-колотить! А если эта зверюга меня царапнет?!

Я шарахнулась прочь и взвизгнула – во-первых, двигаться действительно оказалось больно, а во-вторых...

А во-вторых, это были мои лапы. И мое тело – приземистое, довольно упитанное и покрытое жестковато-косматой шерстью двух цветов – тускло-коричневой на лапах, боках и животе и грязно-белой на спине.

Как я про белую спину догадалась, если даже голову повернуть больно? А я хорошо помню, как тут корчилась, а теперь вижу на выщербинах пола белую шерсть, выдранную с

корнем. И пахнет эта шерсть мной.

В целом я напоминала звериную пародию на шоколадный кекс, покрытый сверху глазурью. И чтоб мне лопнуть, если я не догадываюсь, какой зверь так выглядит!

Игрушка, та чертова странная игрушка, которую нам подсунула белобрысая сучка. Выбор зверя, да? Может, я не просто так оцарапалась до крови?!

Да нет, ну дурдом какой-то, Точка! Ты же не веришь во всю эту фигню с гаданиями, экстрасенсами, магией, оборотнями...

Угу, и именно поэтому сидишь сейчас толстенькой мохнатой попой на полу в клетке. Выбрала медоеда? Распишитесь и получите.

Рядом кто-то снова заскулил, и я, кряхтя и повизгивая от боли, с трудом поднялась на короткие лапки. Доковыляла до решетки и вгляделась в темноту. Хм... а медоед видит в темноте, или он дневное животное? У себя-то под носом я различала без труда, а вот вдаль... Ага... Видит.

Почти всю соседнюю клетку занимала не темнота, а чья-то здоровенная мохнатая задница. Если не ошибаюсь... пахнет медведем. А откуда я знаю, как пахнет медведь?!

С трудом просунув сквозь очень частую решетку кончик лапы, я поскребла эту задницу когтями и быстро отдернула конечность обратно. Мне, понятно, надо узнать, куда делись из клетки девки, и откуда взялся медведь, но не настолько, чтобы жертвовать частью тела.

Задница дернулась, взревела и с трудом развернулась ко мне... хм, мордой. Жалобной такой медвежьей мордой, на которой было нарисовано до дрожи узнаваемое Тахино плаксивое выражение.

– А где Гюрза?! – спросила я, совершенно обалдев, и только потом офигела еще больше – как я это сделала?! Не звериной же пастью?!

И тем не менее, Таха ответила. Прямо в моей голове ее всхлипывающий голос произнес:

– Тут где-то. Она маленькая и колючая. И я ее, кажется, раздавииииилааааа!

– Жопу свою не растопыривай на всю вселенную, не буду колоться, – откуда-то из-за мохнатой туши отозвалась Гюрза, а я выдохнула с облегчением. – Не раздавила, но попыталась.

Послышалось тихое шкрябание и по медвежьей туше вскарабкалось... вскарабкалась... гы... Гы! Кажется, это нервное...

– Гюрза, а почему такой странный ежик? Что это за мутант? – сквозь нервное хихиканье выдавила я.

– Потому что ежи не ядовитые, – зверюшка уселась столбиком и потерла длинную узкую мордочку когтистыми лапками. – Сама ты мутант. Я ехидна, если не ошибаюсь. И если вы все вообще не мой глюк от передоза. Что мы пили в этой бане?

– Вроде пиво, – сказал приглушенный голос Рыжего. Мы все втроем дружно подпрыгнули, взвизгнули от боли в дере-

вянненьком теле, и Таха попыталась сдвинуться в бок, чтобы не загораживать следующую клетку. С противоположной стороны между частыми прутьями просунулся кончик черного, влажного носа и принюхался.

– Девки тут, – доложил он. – Но тоже шерстью обросли. Че за фигня ваще?!

– Все сходится, – мрачно резюмировал из темноты Бер. – Кто кого выбирал из зверей, помните?

– Гюрза волчицу выбирала, – Таха, услышавшая голос Бера, оживилась и прекратила подскуливать. Он на нее всегда хорошо действовал. – Не сходится.

– Я передумала, – вздохнула Гюрза. – В последний момент.

– Значит, все же сходится. Но как?! – Бер резко выдохнул и скомандовал: – Так, братва, вспоминаем каждый, кто что последнее видел.

Пару секунд все сосредоточенно сопели, а я еще и принюхивалась. Из клетки парней тянуло медведем... лисом... и двумя крупными котами. Судя по голосу, носу и логике, лис – это Славка. Бер такая же гигантская мохнатая задница, как и Таха, и я даже знаю, почему наша блондинка выбрала медвежью ипостась. Эх, блин, все мужики – слепые недоумки! А вот какими именно котищами обернулись Ант и Дарк, я определить затрудняюсь.

– Да пиво мы пили и больше ничего, – растерянно подвел общий итог Рыжий. – Дальше не помню. А где Лена? Девки,

она с вами?

– Нет, – мрачно ответила я. – Она не с нами. Она нас всех сюда и притащила, подсыпав что-то в пиво. И в зверей превратила, нажав на ту штуковину, по которой мы персонажей для игры выбирали.

– Ты уверена? – вскинулся Бер. Втюрился, идиот, блин, что с него взять.

Таха как-то зло всхрапнула и оскалилась. Нда... прикус у нее тепереча не то, что давеча, как говорила Мамафима.

– Более чем. Я позже всех срубилась и то не до конца. И раньше всех очухалась. Эта сучка четко знала, что делала и командовала двумя амбалами, раскидавшими нас по клеткам, словно каждый день этим занимается.

– Погодь, разберёмся, – Бер не хотел верить, но и полным дураком не был, сник. – Где мы вообще?

– Не поверишь, Бер, – я легла на пол клетки и прикрыла морду лапками. – Но, кажется, не на земле. Сам не чувствуешь? Тут даже воздух не наш. Чужой...

– То-то я не пойму, чем пахнет, – пробасил неожиданно Дарк и за решеткой мелькнула полосатая тигриная морда. Ого! – То ли помойкой, то ли больницей, но не так. Неправильно. Непонятно. Мне не нравится! Хочу домой.

Все дружно приняхались и закивали мохнатыми бошками. А я пожалела, что не могу погладить Дарка по тигриной шкуре. Успокоить. А то голос у него, не смотря на привычную басовитость, тоскливый и испуганный. Дарк у нас му-

скульная сила, здоровенный красавец-викинг с мозгами доверчивого ребенка. Не дурак, но простодушный до ужаса. И добрый. И ранимый. И... блин.

– Прорвемся, Дарк, не бзди! – чуть грубовато от волнения пообещала я и встала. – Кто-то идет.

А в следующую минуту взвыла – боль внезапно вернулась и принялась выворачивать звериное тело наизнанку. И я опять потеряла сознание.

* * *

Я даже не поняла, сколько времени прошло, прежде, чем сознание вернулось. И ничего не успела ни сказать, ни сделать. Только отметила про себя, что я снова человек.

В темноте послышались шаги. Кто-то шёл по коридору и, кажется, именно к нам. Вспыхнул свет, выхватив из темноты голые человеческие тела за решеткой, лязгнула задвижка, открылся затянутый мелкой металлической сеткой глазок. Как в тюрьме.

В дыре появился чей-то глаз. Послышались голоса. Разобрать слова не получилось, хотя я напряженно прислушивалась, надеясь, что звериная ипостась повлияла на слух.

Заслонка закрылась, снова раздалось бряцание железа, дверь медленно открылась. Первыми ввалились давешние амбалы, встали по обеим сторонам от входа, затем вошла белобрысая гадина под ручку с новым действующим лицом.

Высоченный мужик лет сорока, с лицом порочного красавца, не понравился мне с первого взгляда. Можно сказать, я его возненавидела даже больше белобрысой твари.

Инстинкты так и взвыли, что мразь, опасный и умный. Это не Ленка, которая только изображала из себя невесть что, а так – просто сучка и шелупонь на побегушках. Детдомовскую выпускницу в иерархических играх не проведешь.

А этот... собственноручно раздавит и ничем не погнушается. Холодный пот так и прошиб, я инстинктивно отпрянула от решетки в дальний угол.

Последними в виварий прокрался гарилоид Чуй и застыл у стены, испуганно втянув голову в плечи.

– Все три клетки забила? – с лёгким удивлением поинтересовался мужик.

А ведь есть у него во внешности что-то общее с белобрысой, и не только цвет волос. – Молодец.

– Я старалась, дядя. Все, как ты приказал: они здоровы, молоды и их никто не хватится.

– Знатный улов. Мы на пятерых договаривались, а ты...

– Семерых, дядя. Но вот эта, – она указала на меня, – только для обмена или на нижние уровни потянет, а не на приобретение.

– Поясни, – мужик шагнул ближе и с любопытством уставился на меня. Какие у него глаза... словно ледяные буравчики, даже голубая эмаль летнего неба не спасает от ощущения, что меня просверлили насквозь.

– Во-первых, барсучиха. Причем какая-то на редкость несуразная и уродливая. Во-вторых, заноза в заднице, кость в горле. Не скажу, что умная, скорее сметливая и хитрая. Хуже, что у неё есть характер. Она, пожалуй, единственная, кто сразу меня заподозрил.

– Характер – не аргумент. При грамотном подходе обломать и выдрессировать можно любого. Но барсук – это действительно плохо. Бесполезная тварюшка. Что ещё?

Он перешёл к клеткам с девочками. Но мне ужасно не понравился его взгляд, брошенный на меня напоследок. Почудился мне в нем странный интерес...

– Две дуры. И еще одна из них в брак. Выбирала вроде волчицу, я уже обрадовалась, но в результате обратилась в совершенно непонятную уродливую мелочь. Мало того, что бесполезную, еще колючую и ядовитую. Но яд не убивает сразу, так что и он бесполезен. Просто покрыть тварь в течку не получится. Я даже не знаю, как ЭТО в природе размножается.

Как-как... каком вбок! И яйца откладывает. А Гюрзу я понимаю как никто – однажды её чуть не изнасиловали, чудом спаслась. Повезло, наши рядом оказались. Отбили. Так что неспроста она ехидна с колючей... э... задницей.

– Мда. Процент брака никогда не угадаешь. В прошлый раз охотники притащили целый выводок зайцев. Пришлось продать шаттам, хоть какая польза.

– Зато блондинка тебя порадует. Медведица.

– Медведица – это настоящий успех, Леери, ты молодец. Очень редкая для женщины ипостась. У нас в клане полно самцов этого вида, найти им самку вечная проблема. Дальше?

Они перешли к последней клетке.

– Парней четверо и все годные, – заявила Лена, разглядывая угрюмо сгружившихся в углу клетки пацанов. – Рыжий – пустышка, с одного нажатия между пальцами переломится. Ставлю, что он дольше суток не продержится, на пузо грохнется, лапы подожмёт, скулить будет и хвостом пыль мести. А потом будет служить тому, кто за ошейник дернет!

Это она зря про Славку. Он клоун, кривляка и раздолбай, но не дурак, не слабак и не подлец. Иначе его в нашу мафию бы не приняли аж в третьем классе, когда он только пришел в детдом, где мы уже были спаянной командой. А вот Ленка – дура. Дальше маски не заглянула.

– Мне уже нравится. Что за зверь?

– Полярный лис, но крупный. И шкура отличная, редкая, белая с серебром. В эскорт лучше не придумать.

Ыыы, я всегда знала, что Славка у нас писец, но чтобы настолько буквально?! Так, отставить нервный смех...

– Леери, ты радуешь меня всё больше и больше. Хотел бы я, чтоб ты была моей дочерью, – равнодушно польстил мужик, не сводя взгляда с клетки.

– Дядя, какие ваши годы. Будут у вас и сыновья и девочки! – эта глупындра, похоже, приняла лесть за чистую монету.

ту. Ну и... отложим на полочку в мозгу и запомним. Мало ли – пригодится.

– Дальше, кто у нас тут? – «хозяин» вернулся к деловому тону.

– Еще один медведь и очень крупный, мощный тигр! – Ленка вела себя, как базарная торговка, нахваливающая товар, чтобы впарить покупателю любой ценой. Со стороны это смотрелось мерзко. А уж как корежило мальчишек... ничего, парни, ничего. Мы и не в такое дерьмо попадали. Прорвемся.

– Шатен и блондин. Хм. Мощные звери, не слишком умные носители. Идеальные боевики. Я очень доволен. Знаешь, я даже подумаю, не сделать ли тебя главной по отлову.

Вот блин, неужели она не видит, что он откровенно издевается? Нет, не видит. Дура.

– Кстати, почему мишка в таком ошейнике?

– Чтоб жизнь мёдом не казалась. Достал он меня своими щенячьими визгами. Леночка то, Леночка сё, – белобрысая раздраженно передернула плечами и бросила на сжавшего зубы парня пренебрежительный взгляд. – Тоже мне, альфа-самец недоделанный!

Сучка. Гадина. Бер, держись. И так хреново, а тебе еще и в душу грязным сапогом. Клянусь, брат, она пожалеет!

– Хм. Ладно, – усмехнулся блондин, легонько постукивая по затянутому в черную кожу бедру чем-то вроде короткого стека. – А почему самого темненького вниманием обошла?

– Не обошла. На десерт оставила. Горный кот он. Очень крупный, мощный и самый умный из всей этой компании.

Клянусь, эта дура облизнулась, а нас чуть не стошнило всей мафией сразу. Причем даже Бера, у которого, судя по всему, мгновенно прошла эта зараза под названием «любовь».

– Хммм. А почему с него не начала? И ты сказала «десерт». Хочешь его себе? – тон мужчины стал прохладнее. – Ты, конечно, сделала большое дело и заслужила даже не одну личную зверушку, но такую... Он слишком ценен.

Мне кажется, или Ант выдохнул с некоторым облегчением? По его физии фиг чего разберешь, но мы столько каши в столовке за одним столом сожрали, что чувствуем друг друга на уровне интуиции.

А гадина тем временем не сдавалась. Состроила смиренную моську и ангельским голоском повела свою линию:

– Дядя, я понимаю. Я не прошу его себе. Точнее не так. Я прошу разрешить мне взять его себе на месяц. Я буду лично заниматься дрессурой. Ты проверишь. Если решишь, что я плохо справляюсь, он уйдёт профессионалам. Через месяц он начнёт работать на клан, а в остальное время будет моим личным котиком.

«Хозяин» держал паузу почти минуту – профессионал, сволочь. Хочешь не хочешь, а все дыхание затаили. И только потом снисходительно разродился:

– Ну что же... тогда считай, что право на его время –

твоя награда за удачный рейд. Этот вариант меня полностью устраивает. Но учти, попробуешь сломать – отправишься на нижние уровни первым караваном. Не посмотрю ни на заслуги, ни на кровное родство. Ну а если этот кот окажется слишком упрямым, – тут блондин расчетливо чуть повысил голос, явно привлекая к своей фразе особое внимание, – и не захочет сотрудничать с кланом добровольно, отдам тебе в игрушки.

Глава 3

Мужчина еще раз обвел клетки тяжелым взглядом, задержался на мне... Усмехнулся уголком рта и вышел.

Пару минут было тихо, словно все присутствующие, включая даже амбалов и Ленку, слегка отходили от тяжело-го, давящего присутствия блондина.

А потом белобрысая крыса опомнилась:

– Позови Марука, – бросила она Чую.

Горилоид торопливо засеменил к выходу. Ленка же развернулась ко мне, подошла к клетке.

– Ну что, тварь. Я так тебе не нравилась? Посмотрим, как тебе понравится Марук! А это тебе персонально от меня, на прощание!

Ленка щелкнула пальцами по какой-то фигне, похожей на пульт управления, и ошейник тотчас ожил, сжался, впиваясь шипами в горло. Магия? Херня это, а не магия, блин!!!

Огненный обруч сдавил шею, а в следующий миг у меня словно мозг изнутри загорелся. Я заорала, выгибаясь и царапая горло. И кроме собственных воплей, слышала крики ребят и счастливый смех белобрысой.

Приступ потихоньку прошёл. Боль оставила лишь тянущее эхо. Я отдышалась, повернула голову. Ленка, проигнорировав Таху и Гюрзу, подошла к парням.

– Бер, золотко, твоя очередь получать прощальный пре-

зент.

Бер побледнел, но не сказал ни слова.

– Не надо, – заревела Таха, хватаясь за Гюрзу.

– Больше никто не попросит? – деланно изумилась Ленка. – Остальным на Берчика плевать с высокой колокольни? Так у вас говорят?

Сука. Горло вырву, как доберусь. А пока... у меня всегда был высокий болевой порог, я вытерплю, если она снова запустит свою удавку.

– Не трогай его, пожалуйста, – мой голос прозвучал спокойно, что было неожиданно даже для меня самой. Тварь хочет унижений и просьб? Ну... я умею прогнуться. Выждать момент. Чтобы потом выпрямиться и ударить!

Эта доморошенная садистка явно не уловила нюанса, довольно усмехнулась, но больше повторять фокус с ошейником не стала. Перевела взгляд на Гюрзу. И я перевела. Ну, подруга... ты всегда понимала меня без слов, не подведи!

– Не трогай его, пожалуйста.

Я угадала правильно. Ленка поочерёдно переводила взгляд на каждого из ребят, выслушивала просьбу не трогать, довольно усмехалась... Не знаю, зачем этой больной крысе нужно было самоутвердиться в наших глазах, но пока мы давали то, что она хотела, гадина не трогала пульт.

Последним оказался Ант.

– Не трогая его, пожалуйста, – повторил он за всеми.

– Плохо просишь, – расплылась в ехидной ухмылке Лен-

ка.

– Как нужно попросить, чтобы было хорошо? – спокойно уточнил Ант, кося взглядом на Бера.

– На коленях, разумеется.

Ант внешне никак не отреагировал, но мы все, знающие его не один год, кожей почувствовали, как он напрягся. Мы же все голые. И встать на колени – значит... да похрен бы, стесняться друг друга мы еще дошколятами отучились, но на глазах у этой гадины...

Ант, так и не изменившись в лице, поднялся на колени и даже не подумал прикрываться. Правильно. Молоток, братан! Как там Мамафима говорила? Кому видно, тому стыдно!

– Не трогай его, пожалуйста, я очень прошу.

– Хороший котик, – ощерилась сучка. Блин, мне все больше кажется, что она похожа на крысу, не только сутью своей, но даже внешне. – Будешь послушным, я даже разрешу тебе...

– Шасса?

В нашу тюрьму стремительно вошел еще один персонаж. Невысокий, но мощный мужик с проседью в густых черных волосах, постриженных коротким ежиком. С жестким некрасивым лицом и внимательными глазами опытного дрессировщика.

Вот уж кого наша мафия в детдомах и различных лагерях повидала, так это таких вот «капралов». И все сразу подо-

брались. Это не крыса-садистка, и не высокомерный «хозяин». Это серьезный товарищ.

– Марук, рада видеть. Принимай пополнение, – мне слышалось, или в голосочке нашей крысы появились заискивающие нотки? Причем другого тона, не такие, какими она пела при «дяде».

Марук неспешно прошелся вдоль клеток, всмотрелся в каждого из нас и только после этого развернул каменную физиономию в сторону блондинки.

– Семеро? Неплохой результат.

– Да, – Ленка прямо-таки лучилась нескрываемой гордостью. – Твоим заботам отдаём пока шестерых. Вот эта, – она указала на меня. – Очень проблемная, с мозгами и характером. Барсучиха. Думаю, ничего, кроме мяса, из неё не получится, так что можешь на ней демонстрировать щеняткам всё, что бывает за плохое поведение. Там, – она ткнула в девочку, – медведица и мелкое никчёмное колючее уродство, вряд ли возникнут проблемы. С остальными тоже проблем быть не должно. Обрати внимание на рыжего, самый податливый материал.

Пока она трещала, я не сводила глаз с лица нового персонажа. Клянусь, если бы он позволял эмоциям хоть как-то отражаться на лице, то поморщился бы или еще как-то продемонстрировал раздражение. А так – только в непроницаемо-стальных глазах что-то мелькнуло и пропало.

Ленку он обрубил коротко:

– Понял. Дальше сам разберусь. Скажи лучше, с чего вдруг только шестеро? Седьмой?

– Дядя отдал кота мне, – слишком торопливо выпалила Ленка, тыкая рукой в сторону Анта.

– Глупости, – хмыкнул мужик после того, как в напряженной тишине минуты три поразглядывал нашего горного кота. – Я не позволю тебе загубить такой потенциал при первичном обороте После занятий, если я разрешу... развлечешься с парнем. А сейчас, шасса, займитесь своими делами и не мешайте мне заниматься своими, – ух, сколько было издевательской вежливости в этих его последних словах!!!

Ленка аж пятнами пошла, но, что интересно, перечить не посмела. Стремительно развернулась, прожгла Анта глазами и, пообещав «Я еще вернусь за тобой, мой котенок» свалила, стараясь держать спину ровно и не терять достоинства.

Крыса! Все равно мы уже поняли, что ты тут не главная шишка с горы!

– Слушать внимательно. Повторять не буду, – голос у Марука был негромкий, но такой, что действительно – и не захочешь, а услышишь. – Мне плевать, кем вы были раньше. Такие слова как «права» и «свободы» забудьте сразу, если не хотите неприятностей. Права и свободу в этом мире надо заслужить. А вы пока никто. Даже не мясо.

Пока говорил, прогуливался вдоль клеток и словно ошупывал каждого из нас по очереди взглядом. Но в этом не было ни намека на похоть. Или на презрительное издеватель-

ство, как у крысы. Мужик смотрел сугубо по-деловому и оценивал явно что-то другое.

И остался доволен.

– Жирных нет, хилых нет. Годный материал, – резюмировал он словно бы для самого себя. – Слушать сюда, щенки. Сейчас будет больно. Орать запрещаю. Отрубаться запрещаю. Нарушите – пожалеете. Хотите выжить – терпите. Все ясно?

Вопрос явно не требовал ответа, уж такие нюансы ловить нас в детдоме натренировали на пять баллов. И про права и свободы этот мужик ничего нового не сказал. Я физически чувствовала, как подобрались все наши. Это полное гадство – угодить снова под чужую власть, но это мы уже проходили. И выжили, хотя было очень непросто.

– Даже удивительно, что Леери на этот раз привела такое удачное пополнение, – заметил Марук. – Умные дети. Готовы?оборот!

И нажал на ту самую фигню с картинками зверей... сука.

А самое смешное знаете что? Моя сковородка все это время была со мной в клетке, и я опять судорожно вцепилась в нее, прежде чем утонуть в боли.

На этот раз я действительно не потеряла сознания. Хотя, скажу я вам, чувствовать, как куда-то под ребра погружается ручка от чугунной сковородки – то еще ощущение. Но зато я поняла, куда девается моя кухонная утварь, пока я медоed.

– Странная тварюшка, – задумчиво сказал мужской голос

у меня над головой и мне в бок впилась острая железная палка.

Ну как впилась. Ткнулась. А отдернуться не успела. У меня и в человеческом облиии была хорошая реакция – а попробуйте схватить со стола два пряника вместо одного, когда вокруг стая голодных детенышей, или хапнуть самые целые кроссы в кладовке, пока остальные бьются в дверях!

Так вот. Видать, вся крепость чугуна ушла мне в челюсти, потому что когда я ими инстинктивно щелкнула, половина палки осталась у меня в зубах.

– Ни шатта себе барсук, – слегка озадаченно сказал все тот же голос. А я, наконец, разогнала круги перед глазами и осмотрелась.

Ага, все живы, все опять в зверей обернулись. Это, получается, мужик нас не просто истязал, а что?

Ну вот не похож он на тупого садиста. И смотрит сейчас внимательно, все так же оценивающе. А мафия наша уже не жметя по углам клеток, а скорее недобро так поглядывает на этого дрессировщика. Если бы не решетка – новый чугунный зуб даю, кинулись бы все разом и звериной толпой загрызли. Я бы и сама кинулась.

– Злые дети, – констатировал Марук и усмехнулся. – Это хорошо. Лучше злиться, чем скулить, это закон сельвы. А вас этому даже учить не надо. Другому надо учить. Первые обороты всегда через боль, пока тело не привыкло, пока в кровь оборот не вошел. Некоторым группам у нас порой дают от-

вар, он боль глушит, но ослабляет зверя, замедляет его приход, портит контроль и единение. Я же сделаю из вас настоящих бойцов. Потом спасибо скажете. А сейчас зубы сжали и на счет три – обратный оборот! Запоминайте ощущения, пока кьярр вас перекидывает. Чем раньше сможете сменить облик сами, тем меньше будет боли. Раз. Два. Три!

Вот блиииииин!

Вы когда-нибудь рожали из ребра чугунную сковороду? И не пробуйте!

Через два часа... а может через два дня – что-то я затрудняюсь сказать, сколько времени нас силком выворачивали из мохнатой шкуры в человеческую и обратно – хренов садист добился того, что мы начинали оборот за секунду до того, как он нажимал на свой гребанный «кьярр». Во всяком случае, мне так казалось. Без железной хреновины обернуться все равно не получалось – это Марук нам тоже продемонстрировал. Взял и отключил свою игрушку на середине оборота.

Я что-то там про боль говорила раньше? Забудьте. Это были детские игры в песочнице. А вот застрять в полузвереполучеловеке... это было по-настоящему БОЛЬНО!

А чертов скот еще и орал сквозь наш хоровой вой:

– Не смей терять сознание! Кто отключится – сдохнет! Терпеть! Запоминать!

Сука...

Но, мать шавку его за лапу, он своего добился. Когда нам

приказали обернуться в последний раз на сегодня – ночь провести предстояло в облике зверя – никто из ребят даже не заснул. Я и сама обернулась как-то...

Да ни хрена не легко и не безболезненно. Но после ТОЙ боли скулить было даже как-то несерьезно.

– Накормят вас утром, – сказал на прощание Марук. – Во-первых, сейчас один шатт нутро никакой еды не примет, во-вторых пока вы чужаки – выгодно держать вас ослабленными. Так что не делайте глупостей и вливайтесь в клан как можно быстрее и осознаннее. Для вашей же пользы. Гадить пока будете в клетке, сейчас мы вам удобства предоставим.

Тут в застенки ввалился Чуй с несколькими корзинами опилок, которые он нам прямо через решетчатые крыши клеток высыпал на нас с такой щедростью, что в этих самых опилках можно было землянку вырыть при желании.

– Наслаждайтесь, детки, – саркастически пожелал нам Марук.

И ушел. Козел!

Глава 4

– Все живы? – примерно через полчаса тяжелого дыхания и тихого хорового подскуливания спросил в темноте голос Бера.

Я открыла глаза и огляделась. В зверином облике темнота сделалась весьма условной. Но от этого было не легче. Хреново было, чего уж... если бы можно было просочиться сквозь решетку, я бы хоть могла, как Таха, свернуться клубком вокруг Гюрзы, уткнуться носом в ее лишенный колючек живот и от души пореветь.

Но нет... задавив неуместную зависть к ребятам, которые, по крайней мере, были в клетке не одни, я собрала лапы в кучку и подползла к прутьям. От отчаяния яростно цапнула один из них у основания и грызнула от души.

Не перегрызла, конечно. Но вот появилось у меня ощущение, что прут самую малую малость качнулся в каменном гнезде... щас мы опилки разроем...

– Але, народ! Все живы? – настойчиво повторил свой вопрос Бер. – Девки?

– Живы, – отозвалась я, осторожно пошкрябывая когтями то место, где прут уходил в пол. – А вы там как?

– Как-как... каком в.... – Славка от души выматерился. Это, кстати, говорило о том, что он серьезно зол и выбит из колеи, поскольку наш штатный клоун обычно предпочитал

дурачиться, а не материться, тем более в присутствии девчонок. Хотя чего мы там не слышали... – В какое дерьмо мы влипли? Это ж... полный писец!

– Ни хрена, – неожиданно отозвался Ант и несколько напряженно хохотнул. – Ни хрена ты не полный. Тощий ты писец, пузо вон к позвоночнику прилипает, в зеркало посмотри и убедись!

Бер сдавленно хрюкнул. Я оставила рытье норы в каменном полу и тоже для начала фыркнула. Гюрза перевернулась брюхом вниз и тоненько хихикнула...

А потом мы заржали хором. Ну как вот звери ржать умеют, так и заржали. С хрюканьем, рыканьем, шипением и лаем.

Нервы, понимаешь, есть даже у детдомовской мафии.

Оно, конечно, спать, свернувшись клубком в теплой шкуре, уткнув нос в свой же мягкий хвост, гораздо уютнее, чем голым человеческим телом на посыпанном опилками полу. Так что я даже неплохо выспалась, хотя и позавидовала Гюрзе, которая со всеми удобствами разлеглась на широкой, как восточная софа, Тахиной спине.

Но утро все равно наступило слишком рано.

Снова шаги. Лязгнула заслонка, в отверстии за сеткой появился чей-то глаз. Все прямо уже привычно. Знакомое бряцанье железа. Вошёл Марук, а вслед за ним амбалы, за всё время не произнёсшие так и не слова, втащили котёл. Чуй нёс стопку глубоких железных мисок.

– Что, бойцы, жрать хотите? – обратился к нам Марук. – Есть вам надо, и много. Но имейте в виду, хоть один сделает глупость, оставлю на голодном пайке всех. И Леери скажу, что вы провинились. Она прямо ждет не дождется повода. Напомните, кем из вас она заинтересовалась? – Марук открыл клетку мальчишек. – Подходить строго по одному. Кто попробует кусаться или когти распускать – останется голодным до завтра.

Первым пошёл Бер. Вряд ли нас чем плохим удивят, после детдомовской баланды. Марук взял миску, зачерпнул поданным Чуем половником из котла похлёбку. Налил до краёв. Я уловила восхитительнейший аромат мяса. Живём!

Пока Марук раздавал пайку, я внимательно следила за тем, как это происходит, и искала слабые места в системе. Мы так еще с летних лагерей привыкли – основная компания отвлекает на себя начальство, а я сижу и наблюдаю. Раньше помогало... но здесь этот гребаный Марук оказался слишком опытным тюремщиком. Ошибок он не допускал, ребят подзывал по одному, дверцу контролировал плотно, а амбалы его страховали. Прежде, чем открыть клетку девчонок, этот слишком внимательный козел запер мальчишек. Эх... ну и ладно, время есть. Главное сесть так, чтобы толстый хвост прикрывал подрывтый прут у решетки.

Я своё получила последней. Эх, был соблазн рвануть зубами сунувшуюся в клетку руку, но мозги вовремя тормоза включили. Против Марука, обезьяна и амбалов даже мои

чугунные челюсти не прокатят. И ребят подставлять нельзя.

Опыт – сын ошибок трудных. А метод «все за одного» и земные педагоги хорошо на нашей шкуре отработали.

Марук закрыл мою клетку на все замки. Проверил, гад, два раза. И посмотрел на меня с легкой усмешкой.

– Так, бойцы. Жуйте, переваривайте и настраивайтесь на следующий заход. С вашими микроскопическими успехами вам ещё тренироваться и тренироваться.

Потом они ушли, но свет не выключили. Только сейчас я выдохнула спокойно. Вроде понятно, что боль с едой Марук сочетать не будет, ибо глупо, но всё равно не расслаблялась до конца.

Есть хотелось по-медоедски, но я себя заставила не глотать махом, а есть медленно, пережёвывая, чтоб усвоилось лучше и сил дало больше. Похлёбка, как ни странно, оказалась вполне вкусной. Или это с голоду? Наваристый бульон, много-много мяса. Зубастая зверюга во мне и вокруг меня была вполне довольна качеством, но не количеством еды.

Вылизав миску, я расслабленно поплелась к решетке и немного лениво стала ковырять уже подрытый прут. Отдых после еды – это святое, но медоедская натура толкала в попу острым когтем и побуждала к действию.

По идее, из того, что я знаю о физиологии и пищеварении, нам должны дать время, и можно подковырять второй прут, а потом Таха с той стороны рванет его своей медвежьей силой, и... и посмотрим. А для конспирации я буду это место

опилками присыпать.

Только вот прошло не больше часа, как снова лязгнули замки. Миски забрать? Гориллоид, судя по всему, нацелился именно на посуду. Зачем бы он ещё столь целеустремлённо ко мне попёр, протянув лапу. А вот за ним... За ним вошла белобрысая гадина. Тьфу! Давно не виделись.

И рванула напрямик к мальчишкам.

– Бер, соскучился по своей любимой девочке? – тварь послала смачный воздушный поцелуй. – Знаешь, я утром вспоминала, как ты клялся мне в вечной любви и звал замуж, и решила дать тебе ещё один шанс. Можешь отвоевать моё внимание у котика.

Это она на что намекает? Чтобы парни подрались? Ага, щаззз.

– Что, нет? Бер, какой ты всё-таки слабак. Котик, кис-кис. Иди, я тебя потискаю. Ну!

Блин, вот странная она. У меня уже прямо сирена в голове воеет и интуиция поварешкой по кастрюле лупит изо всех сил, сигнализируя, что что-то не так. Ну ёклмн! Какая-то она слишком... слишком нарочитая дура и сучка. Как в дешевом кино. Или это специально? А зачем?

Ответ на этот вопрос даже не пришлось долго ждать. Сам пришел.

– Шасса, что вы тут делаете? – Марук появился удивительно вовремя, вот прямо как за дверью стоял. Белобрысая вздрогнула, резко обернулась, но быстро взяла себя в руки и

независимо улыбнулась:

– Занимаюсь Котёнком.

– Для дрессировки еще рано, шасса Леери, – достаточно вежливо, но холодно осадил ее наш капрал. – Первичный оборот – слишком важное дело, чтобы доверить его... – в воздухе прямо повисло «вам», но вслух Марук сказал другое, – кому-либо менее опытному.

Белобрысая гадина независимо фыркнула, отвернулась к мальчикам, так что Марук не мог видеть её лицо. Я тоже не видела, но догадалась, что за пантомиму гадина скорчила, раз Ант хвостом стегнул. Не сдержался. Гадина самодовольно усмехнулась, плечом:

– Что мне сказать дяде? Как успехи группы?

Марук, как мне показалось, едва сдержался, чтобы не поморщиться досадливо. Но он для этого слишком хорошо владел собой и только чуть вздернул одну бровь:

– Успехи? На второй день? О чем вы, шасса? Эти детишки еще даже не умеют продолжить оборот без помощи кьярра, и не скоро смогут.

– Так и передам.

Белобрысая величественно кивнула и двинула к выходу с таким видом, словно одолжение всем тут сделала. Вот и нафига приходила? Анта попугать? А ведь... похоже?!

Второй «урок» ничем особенно не отличался от первого, разве что продлился дольше и к концу его мы все лежали дряблыми меховыми тряпками на каменном полу. Марук прошёлся вдоль клеток. Задержал взгляд на мне. Даже предельная вымотанность не помешала напрячься. А вдруг заметит подкоп?! Хана тогда. И нам всем, и Анту в особенности. Но вроде не должен – опилки я подсыпала достаточно, чтобы ничего не было заметно.

Обошлось. Марук качнулся с пятки на мысок, вернулся к мальчикам:

– Что же, бойцы, на сегодня вы недурно поработали. Отдых заслужили и на ужин заработали.

Вроде бы Марук собирался сказать что-то ещё, но передумал, дождался, пока нам снова выдадут по миске мясного отвара и просто ушёл. А я скоро возненавижу звук лязгающего металла. Клетки заперты, дверь заперта. Полежав пять минут, я собрала лапы в кучу и поползла к решётке, мгновенно разгребла опилки, примерилась, ковырнула каменный пол. Ещё разик.

– Эй, Точка, – внезапно подала голос Гюрза. – У тебя... получается?!

– Пока не очень.

– Получается, – вмешалась Таха, – Странно, но получает-

ся.

– Почему странно? – подал голос Бер.

Я молча продолжала ковырять прутья.

– Потому, – фыркнула Таха. – Ты, Бер, пытался? И я пыталась. А у Точки пол-лу-ча-ет-ся. У ней когти будто железные.

Я мысленно хихикнула, ничего не сказала и продолжила работу. Нет, я не собиралась скрывать, что «моя прелесть» стала частью меня, и Таха удивительным образом угадала. От своих у меня секретов нет. Просто... я сосредоточенно продолжала скрести когтями. Мало времени, я просто нутром чую – мало!

Глава 5

– А зачем ты между клетками копаешь? – спросил через какое-то время Славка, снова просунув подвижный черный нос в узкий промежуток между прутьями. – Толку, что ты к девчонкам прорвешься?

– Толку, если я одна выберусь, – пробурчала я очевидную мысль, продолжая сосредоточенную работу когтями.

– Ну да... – сконфузился Слака. – Затупил. Прости.

Я примирительно фыркнула и удвоила усилия. Точно затупил. Остальные вон даже вопросов задавать не стали.

Мы не просто мафия. Мы семья. У нас нет и никогда не было никого, кроме нас самих. Даже Мамафима была не столько наша, сколько общая. И когда-то в сопливом детстве мы решили, что сами создадим себе семью. И будем ею, что бы ни случилось.

Мы справились, хотя было нелегко. И сейчас справимся! Вместе!

– А кроме того, если начать сразу выламывать внешние прутья, это заметят, – высказала я свои мысли, когда первый прут все же поддался. – Так что есть смысл выламывать внешнюю стену либо у девчонок, либо сразу у парней. Усекаете?

Одобрительное ворчание, раздавшееся в ответ, подбодрило меня лучше всякого допинга.

– Таха, давай!

Мощная медвежья лапа послушно просунулась под расковыренный до основания прут и с силой дернула. Железяка скрежетнула и отогнулась. Отогнулась!!!

В получившееся отверстие пролезла бы разве что моя барсучья конечность, но ликование нас просто переполнило. Лиха беда начало!!!

– Ребят, я так понял, у нас впереди ровно ночь, – подал голос Бер. – И, Точка, если у нас есть возможность, я за то, чтобы покинуть этот дрессировочный клоповник. Но... ты уверена, что мы успеем?

Я потёрла лапой нос, жест получился неожиданно человеческим.

– Час-полтора, и я протиснусь к девчонкам, Таха поможет. А вот пробить в вашу клетку такую дыру, чтобы пролезла медвежья туша... ночи может не хватить, ты прав. Что будем делать?

– Нашу клетку мы откроем ключом, – медленно проговорил Бер.

– Ты хочешь, чтобы девчонки втроем напали на эту свору? – подал голос Ант. По-моему, ему не понравилась эта мысль.

– Трое на четверых неплохой расклад, – торопливо одобрила я. Потому что если Ант упрется, что это слишком опасно для нас с девками, мы его всей мафией не сдвинем. Тем более, что он в побеге вроде как больше всех заинтересован

из-за психованной крысы-садистки, а у мужиков мозги так устроены... по-дурачки! Типа нельзя рисковать девушками ради своего спасения, и хоть кол на голове теши! А зная Анта... он парней в момент переубедит.

Мысль Бера я уловила: он хочет, чтобы я, Таха и Гюрза вместе навалились на на амбалов, Чуя и Марука. Если совсем повезёт – вместо Марука припрется Ленка. У которой, я надеюсь, нет больше гребанного пульта от ошейников – его забрал Марук! Существует ли второй? Не знаю. Но придется рискнуть.

Короче, я впервые буду рада появлению нашей белобрысой королевишны.

Так, дальше. Чуй на серьёзного противника не похож, сомневаюсь, что он хоть на что-то кроме скулежа сподобится. Два амбала, скорее всего, оборотни. От них пахнет... чем-то псиным. На их стороне опыт, на нашей – внезапность и звериная ипостась. Пока те будут перекидываться, мы с Тахой ударим.

Марук? Сложно сказать, но не заметила я, чтобы он себя к зверям причислял. И пахнет он только собой. Как и Ленка, и её дядя. Марук человек, а значит, у нас преимущество.

Он может свою фиговину включить. Но тут Гюрза должна сработать, первой прыгнуть и в руку вцепиться. Пускай Марук отшвырнёт её, лишь бы наша колючая ехидна «переключатель» не выпустила.

– Интересно, а вот мы только между собой говорим, или

об нас лишние уши греются? – вдруг спросил Ант, и мы все замерли, напрягая новые, звериные органы чувств. Но ничего подозрительного не уловил никто.

Обсуждать планы вслух все равно расхотелось. Хотя это «вслух» – очень относительно – разговаривали-то мы не звериными глотками, а... непонятно, как мы вообще разговаривали. Телепатия, мать ее... но если так можно общаться, значит, так же можно и подслушивать.

Ну и ладно, мы калачи тертые. Мы и жестами обойдёмся. Только вот, если нас и впрямь слышали, внезапности уже не получится, а побег обречён. Выждать? А смысл? Ладно, пусть умные думают, а красивые ещё поработают. Кто не рискует, тот коньяк втихаря в директорском кабинете не тырил!

Не знаю, как я когти до мяса не стерла, они если и укоротились, то не сильно. А каменный пол под еще пятью прутьями я к утру проковыряла. И просочилась в клетку к девчонкам.

Больше времени ушло, чем я рассчитывала, потому что я оказалась неожиданно крупнее, чем те африканские миллашки, которых я видела в кино, сети и зоопарке. Раза так в полтора. Это я определила по тому, как поменялся масштаб клетки после превращения. Сама удивилась своим измерительным способностям, но четко поняла – ростом я получилась с не самую крупную овчарку, только подлиннее. Так вот, мозгами-то я себя измерила, в сколько это будет в прутьях

– обсчиталась.

Зато у меня хватило ума сообразить, что пустая клетка насторожит тюремщиков. И я, прежде чем смыться, как могла, соорудила инсталляцию «чокнутый барсук сгреб все опилки в кучу в дальнем углу и зарылся в нее». Авось прокатит... хлипкая надежда, но главное – они же будут уверены, что из клетки не сбежать. Значит, барсук там, под опилками. Эх, хоть бы!

Ничего, главное, мы с девками вместе. Уй! Когда тебя тискают радостная медведица... это сильно. Я даже поняла Гюрзу с ее колючками.

– Фу, Таха! Ну что у тебя за привычка лизаться по любому поводу! Твоя медвежья харя когда в последний раз зубы чистила?

Таха не обратила на мое ворчание ровным счетом никакого внимания. Как и всегда, собственно. И тискала меня еще, наверное, минут пять. А я не особо-то и отбивалась – ну... пусть. И нервы успокаивает.

Я же сама потом первая побежала к решетке, за которой остались парни, и нервно облизала все четыре сунувшиеся ко мне носа. Тоже чисто так... на удачу.

А потом мы стали ждать утра. Я спряталась за Таху и притихла – теперь все решится, как только откроют нашу тюрьму.

Была мысль таки подрывать и их клетку, чтобы относительно некрупный Славка к нам прополз. Но чувство времени

зарубило это желание на корню. Уже почти утро...

А еще очень хреново, что при обороте ошейник стал частью тела зверя, растворился в нем, и у нас не было возможности его просто сгрызть. А вот руками в человеческом теле мы не догадались попробовать, дурни. Хотя очень сомнительно, что это было бы так просто, иначе нас не посадили бы по несколько человек в одну клетку...

Лязгнул замок. Я резко вскинула лежавшую на передних лапах голову и напряглась. Сейчас... вот сейчас. У нас все получится. Главное – мы привыкли действовать командой. Мы умеем прикрывать друг друга. Все получится!

Эта мысленная мантра, а может, молитва, помогла задавить нервную дрожь. Рядом, как натянутая струна, замерла Таха. Ей предстояло своей массой выбить дверцу, как только щелкнет последний запор и навалиться на амбалов. Марук и Чуй были нашей с Гюрзой задачей.

Первыми вошли амбалы, оглядели помещение. За ними забрёл Чуй. Амбалы ненадолго выглянули, вернулись, тягая за собой жбан с мясной похлёбкой. Чуй уставился на пустую клетку с лёгким удивлением. Раньше-то никто не зарывался. Горилоид ничего не заподозрил, перехватил половник поудобнее, наполнил миску, потом, опасливо косясь на кучу опилок, открыл дверцу и быстро поставил посудину на пол. И так же быстро дверцу захлопнул. Прямо заметно было, с каким облегчением выдохнул. Раньше не Чуй нам порции раздавал... Неужели?!

Я уже поверила, что все будет даже легче, чем мы рассчитывали. Амбалы и Чуй не казались мне опасными противниками. Но дверь опять лязгнула и зашёл... Марук. Блин. Не повезло. Лад-но, работаем.

Марук прошёлся по помещению цепким взглядом, задержал взгляд на куче опилок, перевёл взгляд на нас, на мальчишек.

– Нет, Чуй!

Его выкрик запоздал, Чуй по инерции отщёлкнул последнюю задвижку и начал медленно разворачиваться, словно хотел переспросить, что именно «нет». Таха, умница, прыгнула, врезала всей тушей по металлической дверце так, что та сшибла горилоида с ног. Это не по плану, но иначе бы и не вышло.

Время развернулось сорванной пружиной, наотмашь хлещет по людям и зверям. Таха, не меняя направления броска, врезалась в первого амбала, буквально размазывая его по стенке. Гюрза в этот же самый момент словно выстрелила собой с медвежьего загривка, на котором висела, вцепившись когтями в шерсть. Я успела увидеть, как она летит, распластавшись в воздухе, точно на Марука. Точнее, на его правую руку, которая уже подымалась, сжимая тот самый артефакт.

Но ждатель, получится ли у Гюрзы выбить железяку, было некогда. Я молнией метнулась к второму амбалу, уже приготовившемуся прыгнуть наперерез нашей Ехидне.

Увернувшись от тычка, полоснула амбала по ноге когтями

так, что продрала сразу и кожаные штаны и плоть почти до кости. Урод заорал, но упал, и уже в падении начал трансформацию. Ха. Я дотянулась. Зубами рванула его за горло, почувствовала кровь во рту, свежее парное мясо. Готов? Не знаю. Магия же, мало ли насколько живучи местные. Но из строя противник выведен, а Таха вполне справляется со своим. Второй волк, попытавшийся обернуться прямо в ее лапах, только взвизгнул и захрипел. Да, никто из нас не боится крови. И нежная блондинка Таха в том числе!

Самое главное, что кроме разрываемых тюремщиков никто не издавал ни звука. Мы умели действовать молча, а их крики успешно глушила толстенная железная дверь.

Мгновение ушло на то, чтобы оглядеться. Помощь была очень нужна Гюрзе. Марук, сволочь! Догадался, кто у нас слабое звено... но первую свою задачу она выполнила – проклятый артефакт отлетел куда-то в угол, отрикошетил от решетки и провалился в клетку – так просто не дотянуться. Йесс!!!

Я все так же молча бросилась на Марука, на пределе скорости, попыталась сбоку зайти, но дрессировщик оказался опытным бойцом. Откуда он палку взял? Тупое копьё с каменным наконечником.

Глава 6

Я почти не почувствовала боли. Удар словно вскользь прошёлся. Впрочем, задачу я выполнила – Гюрза воспользовалась шансом, и прошмыгнула у нас под ногами к горилоиду. Зачем? Он же так и вошкается на полу? Вот я дуб! У него же ключ!

Попыталась прыгнуть на Марука повторно, но он проворно отскочил и отступил к дверям. Тварь! Сука! Нельзя дать ему уйти – он наверняка позовет на помощь!

Уж лучше пусть ещё копьём ткнёт. У меня шкура толстая!

Я снова прыгнула вперёд, вынуждая Марука хоть на полшага отступить. И еще... челюсти громко шелкнули в миллиметре от его бедра, и гад впечатлился настолько, что... Да! Я смогла прорваться к дверям и занять позицию.

Сдохну, но не выпущу. А Марук неожиданно остановился. Мы замерли, глядя друг на друга. Заодно успели и положение оценить. Гюрза ковыряет замки у парней. Зверинными когтями и зубами не очень-то удобно ключи вертеть, но разум человеческий, так что справится. Уже часть открыла. Таха догрызает «своих». Чуй-таки обернулся в обезьяну, угадала я с ипостасью, только драться не стал. Этот трус, спасибо ему, что он такой никчёмный, взлетел на крышу клетки, свернулся на ней и плаксиво подвывал. Прямо обнять и утешать.

– А теперь успокойся и вернись в клетку.

Я вздрогнула, услышав этот голос. Слишком спокойный и уверенный. Либо Марук идеально владеет собой, либо... мы чего-то не понимаем. Да нет, мы почти победили!

– Хорошая попытка, – Марук говорил размеренно, не повышая тона. – Не зря я вами занялся. Бойцы! Только, ребята, вы подумали, куда вы дальше пойдёте? Магия, превращение из человека в животного. Вокруг не ваш мир, и выжить вы сами тут не сможете. Поэтому не глупите. Я на первый раз даже не стану вас наказывать. Откажетесь – пеняйте на себя, огребёте по полной.

Я оскалилась и зарычала. Получился приятный низкий рык с нотками вибрирующей хрипотцы.

– По-хорошему, значит, не хотите?

Марук отступил к стене. Прорваться к дверям он больше не пытался. Правильно, Таха-то уже догрызла волка и вразвалочку подошла ко мне, не сводя тяжелого взгляда исподлобья с единственного опасного врага. Марук вдруг усмехнулся так нехорошо и встряхнул копьём. Оружие окуталось фиолетовой, пахнущей озоном дымкой. Тупой наконечник отпал, глухо стукнувшись об пол, под камнем обнаружилось длинное металлическое лезвие с зазубринами.

А вот это серьёзно. Таким шкуру пробьёт, во всяком случае, медвежью, и внутренности на древко наматает. А вот медоеда так легко даже таким тесаком не убьешь, и если... мой низкий рык снова отразился от каменного потолка, и,

повинуясь ему, Таха чуть отступила, давая мне простор. Если что, до горла я достану...

Спровоцирует Марук – брошусь. А пока он ведет себя прилично, пусть живёт. Марук и вёл, точнее стоял. Копьё даже остриём в пол уткнул. Для обороны при броске Тахи или моём развернёт быстро, а метнуть не сможет. Нам показывает, что не нападает.

Гюрза возилась и возилась. Нет, я понимаю, что прошло от силы несколько минут. Нервы натянуты, секунда вечностью кажется. Я бы вообще, наверное, не справилась, мне легче замки отгрызть, чем вскрыть.

Грохот!

Слава всем богам!

Наша Боевая Ехидна справилась. Решётка с бумканьем распахнулась, парни вывалились на свободу. Да, мы сделали это!

– Последний раз предлагаю, одумайтесь и вернитесь.

Да шаз.

Бер подскочил к двери, подцепил лапой.

– Уходим.

Наконец-то. Я дождалась, когда ребята выйдут, сама уходила последней – за Маруком приглядывала. К счастью, он не дёргался. Только следил и чему-то улыбался. Гад.

Зато даже не дернулся, когда сообразительная Гюрза прошмыгнула мимо него с переключателем ипостасей в зубах. Ай, маладца подруга! О главном подумала!

За дверь оказался широченный сводчатый коридор, плавно загибающийся в обе стороны. Но справа тянуло людьми, пылью, духотой и съестным. А слева...

А слева волнующе и остро-свежо пахло опасностью и свободой. Пахло лесом!

Не сговариваясь, мы ломанулись по коридору налево и уже почти предвкушали свободу. У двери задержался только Ант, и я не сразу сообразила, что он делает. Дура! Конечно! Засов пытается задвинуть! Потому что нафига нам гад с копьем на хвосте?! Вернуться помочь?

Но Ант уже сдвинул упрямую железку и с радостно кинулся нас догонять. Мы всей толпой ломанулись по коридору, стараясь при этом не шуметь.

За первым же поворотом острый запах леса стал сильнее, а где-то впереди мелькнул сумрачный зеленый свет, и мы невольно прибавили скорость.

Еще немного... еще!

И вдруг где-то сзади неожиданно и хрипло вскрикнул Славка. Я резко затормозила, едва не врезалась в Бера и оглянулась. Нет! Черт! Нет!

Светящаяся ярко-синим мелко-ячеистая сеть словно упала с потолка и бежавший последним лис бился в ней, как вытасенная из воды рыба. Яростно взрыкнув, я развернулась и в три прыжка вернулась обратно, вцепилась в ловушку и попыталась разорвать ее зубами. Б...я! Рядом так же злобно зарычал Ант, раздирая прочный шпагат когтями. И Бер...

– А куда это вы собрались? – вдруг спросила темнота в одном из боковых проходов и оттуда выступила... Ленка, спокойно и уверенно раскручивающая мерцающее синим лассо, – Котёнок... ты, оказывается, такой плохой мальчик! А ты, Бер, куда собрался? Бросаешь меня? А как же наша любовь?

За ее спиной бесшумно материализовались тени. Одна... две... пять... я в отчаянии бросила сеть и зарычала, припадая к полу. И двинулась в сторону гадины. Не убью, так задержу! Может, ребята успеют уйти...

– Глупая тварь, – ухмыльнулась недоделанная ковбойша. И...

И мир вдруг погас.

Глава 7

Я слепила очередной грязевый кирпич и заботливо пристроила его сушиться в на перевернутую сковородку, установленную в центре колодца. Хорошая в моем зиндане грязь, липкая и жирная, а когда в середине дня сюда заглядывает солнце и начинает пропекать колодец насквозь – ссыхается до каменной твердости.

Я здесь уже давно сижу, и, вопреки желаниям тюремщиков, вполне комфортно себя чувствую. Плохо на самом деле только одно – ребята далеко и все в разных местах. Это я выяснила, когда удалось выбраться из западни, но об этом стоит рассказать подробнее...

Вспоминать, как все начиналось, было, конечно, фигово. Вот насколько сейчас все терпимо, настолько сначала была... жопа. Полная, глубокая и темная. Но главное-то... главное, что я справилась!

Репрессии нам устроили от души. После того, как я потеряла сознание в коридоре и очнулась в глубоченном каменном колодце с грязным глинистым дном, в человеческом теле, голая и избитая, я несколько часов выла в голос и готова была голову разбить о сложенные из огромных квадратных блоков стены. Причем выла я не от голода и не от боли, а от ужаса неизвестности – я понятия не имела, что случилось с ребятами, и небезосновательно предполагала все самое худ-

шее. Взять себя в руки удалось далеко не сразу. Но потом я сжала зубы и решила – хрен вам, я не сдамся. Главное – не раскисать! Я найду выход и найду своих, чего бы мне это не стоило! А чтобы не сойти с ума, надо занять себя делом.

В колодец ко мне никто даже не заглядывал несколько дней, я уже молчу про еду или воду. От жажды мне не дал помереть местный климат – по семь раз на дню в небе над головой все менялось от полного звездца с ливнем, громом и молниями до яростно-синего неба и тропического солнцепека.

Выкопать в глине две ямы я догадалась уже на второй день. Одну для дождевой воды, небольшую, я туда сковородку пристроила для устойчивости и пила вообще как король – из собственной посуды, другую для туалетных нужд, у противоположной стены. Причем туалетную ямищу копала с упорством долбанутого экскаватора, стерла руки в кровь, обломала все ногти, но углубилась почти на полтора метра. Даже вонь оттуда меня теперь почти не беспокоила, поскольку я допетрила копать так, чтобы яма кверху сужалась, и туалетная дырка была не слишком большой. А еще я слепила из глины крышку и удобство стало зашибись гигиеничным.

Вообще, я считаю, мне с зинданом повезло. Во-первых, он тоже сужался кверху, и даже в самый солнцепек или ливень можно было забиться под наклонную стену и не помирать. А во-вторых для меня одной его круглое дно диаметром почти в пять метров оказалось достаточно просторным для самой

разнообразной деятельности. Про то, что я сдохну с голода, если обо мне никто так и не вспомнит, я себе думать запретила.

Чему меня научил детдом – так это соорудить себе комфорт из чего угодно, вот хоть из говна и палок. Палок, правда, у меня тут не было, зато... хм... второй субстанции – хоть отбавляй.

Первое, что я сделала, после того, как решила вопрос с питьем и противоположным процессом – это налепила кирпичей, чуть их просушила, вынеся в центр колодца под палящие лучи, и принялась под самой наклонной стеной строить себе ложе, возвышающееся над глинистым дном ровно настолько, чтобы не спать в воде, если ночью опять пойдет дождь.

Время я отмечала, продавливая пальцем канавки на глиняной табличке, которую приспособилась хранить в изголовье «кровати», в рукотворной нише. К четвертому дню заточения меня уже шатало от слабости, а держалась я на чистом упрямстве. И тут в проеме колодца, на фоне в очередной раз затянутого тучами неба вдруг замаячила чья-то голова.

– Живая, тварь? Смотри-ка... не сдохла.

Я настороженно забила под самую стену и молчала. Изображала слабость и страх, хотя, если по-честному – не очень-то и изображала.

– Что, падашь, жрать, небось, хочешь? – продолжал глумиться неизвестный. Рассмотреть его лицо на фоне яркого

неба я не могла, но голос на всякий случай запомнила. И косматые лохмы вокруг головы. – Велено тебя накормить перед тренировкой, да только шутт тебе жрачку нормальную на такую вошь переводить. Все одно от тебя никакой пользы. На, хватит с тебя!

И на дно колодца смачно шмякнулась... ворона. Крупная. Дохлая. Причем довольно давно, судя по запаху.

Наверху злорадно похихикали и голова исчезла.

Я в целом так оголодала, что могла и ворону сожрать, но устойчивый запахок падали меня останавливал. Таблеток от дизентерии в моем колодце нет...

Впрочем, долго мне размышлять не позволили. Наверху опять послушался шум, шаги, потом знакомый голос что-то сказал... а потом я зло заорала от боли и неожиданности.

Стоявший на краю колодца Марук хладнокровно жал на свой перекидывательный артефакт раз за разом, швыряя меня из одного облика в другой почти без передышки. Раз двадцать вывернул, ссука такая. А потом молча развернулся и ушел. Оставив меня обессиленно валяться на дне в человеческом теле. Типа тренировку провел, или наказал так? Хрен его знает...

Самое полезное, что я вынесла из этой пытки – это то, что моя сковородка, судя по всему, теперь всегда со мной, даже если в момент оборота я с ней не обжималась, и посудина лежала вообще у другой стены. Там она исчезла, а когда меня перекинуло обратно из медоедки в человечку – уже была

у меня под боком. Это, блин, больнее, но полезнее! Наверняка, кстати, меня в зиндан когда зафигачили – я была в зверином теле, а потом тюремщики вылезли и перекинули меня в человека артефактом. Не обратив внимания на дополнительную запчасть.

В животе зверски забурлило, и запах тухлой вороны вдруг показался мне не таким уж противным. С трудом встав на четвереньки, я отползла к стене и свернулась клубочком... блин, лучше бы я зверюгой тут сидела. Но, похоже, тюремщики решили, что теплая шкура – слишком большой комфорт для арестантки.

А вот собственно... почему это так сложно?

То есть, это вообще дурдом и сбоку бантик для моего прежнего мира – превращаться в африканского барсука с помощью колдовской железяки. Но это уже факт. И я видела, что здешние умеют превращаться сами, по своему желанию. Значит...

Самостоятельный оборот – хочу!

Только как же эта зараза делается?! Одно воспоминание о боли, и тело противится. Не просто противится! Нутро встаёт. И делать, что мне надо, отказывается. Как будто руль над телом перехватили. Тьфу! Или это инстинкт самосохранения обострившийся палки в колёса вставляет?

Хрен ему, этому инстинкту. Инстинкт вообще жрать хочет сейчас больше, чем даже не болеть. А значит...

Сосредотачиваемся и вспоминаем, как это было. Да, по-

гано, да, больно. Но НАДО! Я упорная. Я смогу.

Если вы думаете, что такая крутая я одной силой желания за полчаса освоила оборот – так фигушки. Сначала ни к черту не получалось сосредоточиться. Потом...

Потом я чуть не сдохла, когда, маму-иху звериную, у меня таки начало что-то получаться. Потому что это было в разы больнее, чем при помощи артефакта, медленнее и... короче, я в какой-то момент застряла посреди оборота и реально сама не знаю, каким чудом не рехнулась.

Когда боль в очередной раз отступила, я обнаружила себя валяющейся в грязи... мохнатой медоедкой тушей. У меня... получилось?!

Сил радоваться уже не было. Зато тухлая ворона в метре от меня пахла... восхитительно! Тонко, с изысканными нотками самой высокой кухни...

Медоеды едят все, в том числе и падаль, вспомнила я, подползая к птичьему трупу. У них в желудке такая адская смесь кислот, что можно вообще недельную зомби сожрать, и ни одна бактерия живой не уйдет. А значит...

Что значит – я додумать не успела. До вороны доползла. Ааааррррр!!!!

Короче от несчастной птицы даже перьев не осталось. Я неуверенно встала на все четыре лапы, шатнулась. Задрала голову и посмотрела на светлеющее небо – куда делся остаток прошлого дня и ночь, я как-то провафлила. В животе сыто рыкнуло. Я задумчиво почесала спину задней лапой и

пошла... рыть еще одну нору. Медоедскими-то когтями скорородной крепости это куда как сподручнее, чем голыми руками!

С этого дня жизнь потихоньку стала налаживаться, а моя цель – найти ребят и выяснить, что с ними – из фантастической превратилась в просто трудную. Но достижимую!

Днем я изображала голую человеческую пленницу, и исправно подвывала от боли, когда все такой же каменно молчаливый Марук приходил со своим артефактом «тренировать» мне смену облика. Продолжала обустраивать дно колодца, постепенно строя из глиняных кирпичей чуть ли не дом. Маленький, с арочной крышей, по которой вода скапывалась, не размывая ее сразу, скорее похожий на собачью будку. Но он спасал меня от дождя, от солнца и от нескромных взглядов сверху.

А ночами я превращалась в медоедку, с удовольствием сжирала всю падаль, которую продолжал сбрасывать мне ворюга-тюремщик вместо нормальной еды и... копала. Черт его знает, куда мог привести вырытый мной лаз, пока он вел почти вертикально вниз, потому что каменные стены колодца продолжались и под землей. Но я не сдавалась.

Тем более, что как выбраться из своей темницы я все равно уже придумала.

Этому очень помогла одна земная блогерша и писательница. Тетка жила где-то во Владивостоке, писала фэнтезийные книжки и вела прикольный блог, в котором я впервые

и прочла про милашку-медоеда. Про то, что это нереально крутой африканский пофигист, который никого на свете не боится, чистит рыла даже львам, жрет вообще все, не боится никаких природных ядов, да еще и офигенски умен. У блогерши там была история про медоеда, которого какой-то британский ученый в центр спасения животных приволок и все пытался его там удержать, а медоед строил из грязи лестницу, вылезал из бетонного загона и шел гонять всех по спасательному центру... ну вы поняли, да?

Самое прикольное, что с медоедыми когтями и мускулами мне полноценная-то лестница и не понадобилась. Ближе к верхнему краю колодца каменные блоки, из которых он был сложен, становились рыхлыми и пористыми, а из щелей между ними выкрошился раствор. Понятия не имею, почему там камень больше разрушился, может, на качестве строители сэкономили, а разницу пропили. Главное, что, насыпав очень крутую гору грязи примерно до половины высоты колодца, дальше я, цепляясь когтями за неровности, вылезла на раз-два-три! Ххе! Свободу медоедам! Главное, по возвращении не забыть лестницу разобрать и разложить по дну в виде совсем не подозрительной грязи, и ваще зашибись, у меня будет персональная тюрьма с отдельным выходом!

Глава 8

Прижавшись к земле у самого края своей ямы, я несколько минут напряженно присматривалась, принюхивалась и прислушивалась. Никого. Только где-то справа в дальнем конце вымощенного булыжником двора кто-то храпит, воняет едой и перегаром. Зуб даю – это мой тюремщик. Нажрался моей еды, надрался какой-нибудь табуретовкой и отсыхает вдали от начальства, гнида. Видала я таких в детдоме, и не только среди вахтеров и сторожей. Ну и...

Было у меня желание пойти и объяснить ушлепку, что чужую жратву крысятничать последнее дело. И что плевать сверху в беспомощного человека в яме нехорошо. И... Но я усилием воли подавила в себе жажду справедливости. Пусть дрыхнет, гад, он мое алиби. Типа сторожит не умеющую самостоятельно перекидываться пленницу, пленница страдает в застенке, все при деле, а кто по ночам партизанит и мстит всяким сволочам – мы со сторожем ни сном, ни духом!

Очень медленно, кругами, держа по ветру не только нос, но и все остальные органы чувств, я обследовала двор. Нашла еще два зиндана – пустых. Нашла запертую дверь в стене, нашла зарешеченные бойницы на высоте в полтора человеческого роста, слишком маленькие, чтобы я в них протиснулась, нашла... нашла дерево. Вполне себе такое, подходящее. Прямо у забора.

Вот по нему я и выбралась на ограду, и обнаружила, что мой тюремный дворик часть целого каменного комплекса – стены были со всех сторон. А слева вообще поднималось что-то вроде гигантского небоскреба – ну, то есть, я разобралась – мы вообще оказались внутри офигительно здорового здания фиг знает на каком этаже, потом что все эти разгороженные стенами маленькие дворики располагались на террасе, опоясывающей исполинский... улей. Больше всего это было похоже на ступенчатую пирамиду с очень крутыми стенами...

Я не поленилась, сбегала по кромке ограды к внешнему краю террасы и впечатлилась. Джунгли, запах которых так дразнил и манил нас во время побега, и сейчас пахли одуряющим запахом свободы. Вот только лететь до них было... метров дофига. Это на каком же этаже улья мы оказались, и сколько их вообще?!

Бежать и искать ребят хотелось до одури. Но я ж не просто медоедка с одной мыслью в башке, я студентка института питания и будущий шеф-повар, ресторатор и вообще, крутой чувак. А это значит что? Методичность, аккуратность, терпение и планирование! Вот наше кредо.

«Свой» дворик я изучила до последней трещинки в камне. Цапнула за штаны пьяного в дымину сторожа. Обыскала его каморку, но ничего интересного, кроме заныканной жратвы, не обнаружила. Мстительно хихикая, стырила ровно половину незатейливой провизии – одну краюху чего-то

похожего на хлеб, половину недоеденной жареной курицы, какие-то фрукты, и утащила к себе в зиндан, где и прикопала – запас карман не тянет. А этот козел спьяну все равно не поймет, что не сам сожрал.

И, наконец, снова выбралась по дереву на гребень стены и пошла по узким каменным дорожкам смыкающихся заборов дальше и дальше от своего дворика, в сторону основного улья. Искала проход внутрь и одновременно тщательно нюхала воздух. А вдруг кем из наших повеет?

Главное было все правильно рассчитать, чтобы вернуться в свою тюрьму вовремя. Так что когда я обнаружила вход внутрь улья, я еще постояла и подумала, косясь то на ночное небо, то в темный провал коридора. Прикинула так-сяк... поколебалась... и вдруг уловила знакомый кошачий запах... Ант!

И запах был относительно свежим. От сердца отлегло. Не убили, живой. Живой! Значит, есть надежда, что и остальные уцелели. Нас же просто вырубали, когда поймали. В схватке из наших никто не погиб, я почти уверена. Вот потом могли... типа, в назидание. Но не за один же побег, это было бы слишком расточительно. Значит, ломают, дрессируют. Ну вот как со мной.

К запаху Анта примешался запах белобрысой гадины. Вот тварь! Добралась. Уже не думая ни о чём, я рванула по следу. Ума хватило запоминать дорогу и ставить засечки когтями. Незнакомые коридоры заставляли нервничать. Чувство-

вать себя увереннее помогала темнота. И чутьё, которое вовремя предупреждало об опасности. Чьи-то шаги, и я нырнула в боковое ответвление, переждала, когда мимо пройдёт незнакомец. А ну как оборотень и учует?! Или не должен? Здесь же полно перевертышей помимо нас, что странного, если в коридоре пахнет зверем? Не знаю. К счастью, мужчина меня не заметил, мимо прошёл.

Выждав, я побежала дальше. След привёл меня к большой арочной деревянной двери, обитой железными полосами. Именно из микроскопической щели под ней сильнее всего тянуло запахом Анта и белобрисой сволочи.

Желание ввалиться и показать дряни, где раки зимуют, я задавила на корню. Я же разумная девочка, месть подождёт, никуда Ленка теперь не денется. Сначала надо убедиться, что вражина там одна, что... так.

Я приникла к замочной скважине, но меня ждало разочарование – изнутри вставлен ключ. Чёрт!

Прижалась к створке ухом. Чуть выше... ниже... ага!

– Ал-ле оп! – приглушенно выкрикнул ненавистный голос где-то там, за прочным деревом.

Ленка.

Глухой шлепок, крик. Ант?!

Я отпрыгнула подальше, чтобы не выдать себя злобным клекотом, рвущимся из самого нутра. У-у-у-у! Поррррву гадину!

Так, сначала надо понять, что там происходит, а потом

лезть. Нос, помощник мой главный. Жильём ни коридор, ни помещения не пахли. Дрессировочная площадка? Арена? Тогда где-то здесь вполне могут быть смотровые окошки или еще что-то в этом роде. Извращенцы – они такие, любят подглядывать... надеюсь.

Я тщательно принюхалась и потрусила чуть дальше по коридору. Ага. Еще одна дверка, но ни фига уже не такая помпезная. И не запертая. И ведет в соседнее с ареной помещение. Бинго!

Я попала в небольшую комнату, скорее даже узкий коридорчик вдоль одной из боковых стен основного зала. Вдоль этой самой стены были установлены обтянутые тканью лавки, явно для зрителей. А в самой стене проделано множество смотровых отверстий, затянутых... фу... эта пленка была прозрачной, как стекло, но эластичной, и воняла коровой, мочой и какой-то едкой химией. Бычий пузырь? Я в учебнике истории что-то такое читала. Ну фу же!

Ладно, сейчас не до того. Главное, сквозь эт пленку было прекрасно видно, что происходит в зале, а еще – отлично слышно. Вип-смотровая, б...я!

Я присмотрелась, и, не сдержавшись, зарычала.

Я угадала, там, за стеной, на дрессировочной площадке, если её можно так назвать, были Ант и Ленка. Она, уродина, как в дешёвом порнофильме, вырядилась в высоченные сапоги и миниатюрное обтягивающее платье, почти не скрывавшее тела. В руках Ленка крутила короткий хлыст, светя-

щийся знакомым синим цветом.

Анта она им вроде не была, всего лишь щёлкала себя по сапогу. Вальяжно так. Ну это пусть. Хотя три багровых рубца я на спине Анта увидела уже через минуту, когда он неловко повернулся, и озверела, едва удержавшись, чтобы не продрать когтями этот самый пузырь и не ворваться в зал. Дрянь! Убью суку.

Стоп. Нельзя!

Я выдохнула, стараясь успокоиться. Я ее обязательно попру на пирожки, но позже. И вообще, сейчас надо понять, что происходит. Она точно дрессурой оборотня занимается? В моём представлении бойцов готовят не так, совсем не так.

Во-первых, по центру площадки на расстоянии друг от друга стояли цирковый тумбы. Вот офигеть – даже раскрашены они были в дурацкие клоунские треугольники красного и зеленого цвета. А во-вторых, Ант был в человеческом облике. И абсолютно голый.

– Место! – манерно растягивая гласные приказала Ленка, указав хлыстом на одну из тумб, и Ант послушно забрался на нее, присел на корточки. Голова у него была опущена, лицо пряталось за взлохмаченной черной гривой, но меня мороз по коже продрал, потом что я знала, что у него сейчас в глазах.

– Алле-оп! – эта долбанутая пародия на стриптизершу-дрессировщицу взмахнула хлыстом.

Ант оттолкнулся, прыгнул. До второй тумбы, естественно,

не достал, слишком далеко она была установлена. Упал на каменный пол, перекатился. Слава пряникам, падать он умел всегда. Иначе переломал бы себе все к хренам!

Но гадюке все было мало:

– Плохо, Котёнок. Очень плохо. Ты совсем не стараешься, – медовым голосом страстной садистки пропела Ленка и... Я не поняла, что она сделала, пульта у нее в руках не было, но Ант схватился за горло и заорал. Ошейник. Твою же мать! Гребанный ошейник...

Ленка сполна насладились тем, как парня корчит на полу, как он выгибается и кричит, и только минуты через полторы-две прекратила воздействие.

– Устал, Котёнок? – осведомилась она сладко, когда Ант затих и свернулся на полу в клубок.

– Да, моя шасса, – голос у моего друга был... мертвый. То есть, вроде обычный, только хриплый от крика и усталости, но я почувствовала, как по спине табунами бегут ледяные мурашки. Ант, братишка! Убью суку...

– Ну так и быть, разрешаю тебе попросить закончить на сегодня. Тело на полу едва заметно вздрогнуло. Я всматривалась очень пристально и потому заметила, как Ант сжал зубы. Всего на миг. То есть, он еще не сдался на самом деле... уф...

Знаю я, каково ему такие приказы выполнять. Но Ант умный, умеет, когда надо, гордость запинать подальше и прогнуться. Вот расслабится Ленка, решит, что всё, сломала, тут

он ей и покажет всё, что думает о дрессировке.

Мой друг тем временем подполз к Ленкиным ногам, прогнулся... в буквальном смысле, неловко отклячив зад, и... заурчал! Явно имитируя кошачье мурлыканье. Ленка – тварь! Или я это уже говорила? Ничего, и сто раз повторю!

Отступив от окна на шаг, я перевела дух. Расклад понятен, дальше я на это смотреть не могу и не буду. Как прекратить этот кошмарный цирк и не спалиться, я не знаю. Особенно с учётом того, что начинается второй акт – Ленка опрокинула Анта на спину и стала лапать «котёнка» совершенно недвусмысленно. Похоже, прямо на площадке завалить и собирается. И ведь, наверняка, не первый раз она его уже... Ненавижу! Мы столько лет, б...я, столько лет друг друга от этого берегли! В системе наших сиротских заведений это было ох как непросто. И вот теперь, когда, казалось, все позади... снова. Снова, б...я, а я ничего не могу сделать!

Из смотровой я выскочила, как пробка из бутылки шампанского. Иначе не выдержала бы и кинулась рвать тварь. Но нельзя. Нельзя! Моя задача – повернуть всё очень тихо и не выдать своего присутствия. Что же делать?

А если со спины на нее прыгнуть и таки порвать? И Анта для конспирации пошкрябать – типа его тоже пытались, но кто-то спугнул убийцу? Нет, убивать эту паскуду нельзя – весь гадюшник на уши встанет, а я еще не только остальных не нашла, даже с Антоном толком не поговорила, может он что-то знает.

Значит, сейчас надо затаиться и проследить, куда она отведет брата. Противно до дрожи, но придется сжать зубы и перетерпеть... и вообще перестать неженку из себя строить, Анту, небось, гораздо противнее.

Звуки из-за двери доносились характерные. Не спутать. Я забила в какую-то из ниш дальше по коридору и закрыла уши лапами. Мы сможем. Мы выдержим...

Глава 9

Хорошо, что долго все же ждать не пришлось, а то у меня время ограничено. Примерно через полчаса гадюка вывела Анта с арены и повела на поводке, прицепленном к ошейнику, куда-то влево, как раз мимо моей ниши.

Я вжалась в пол, уговаривая себя не кинуться на тварь, когда она будет проходить перед самым моим носом. Почему-то о том, что Ленка может меня заметить, я даже не подумала.

Она и не заметила. А вот идущий следом Ант, как-то очень вовремя чуть повернувший голову в нужную сторону, на мгновение замер. Мне даже показалось, что наши глаза встретились, хотя это вряд ли, я забилась в самую темную часть ниши.

Ант споткнулся, и Ленка раздраженно дернула за поводок, даже не подумав придержать шага. Мой счет к ней рос прямо на глазах.

Пропустив парочку шагов на двадцать вперед, так, чтобы они почти скрылись за плавным изгибом коридора, но при этом были для меня прекрасно слышны и... хм... обонятельны, я двинулась следом.

Припадая к полу и держась у самой стены, в ее тени, я так и прокралась за ними до самой лестницы, ведущей наверх, потом на три этажа вверх, потом по другому коридору – го-

раздо лучше освещенному и застеленному богатой ковровой дорожкой, до самой двери... видимо, Ленкиных покоев.

Не спится же по ночам, уродине. Хотя для меня это плюс – теперь я знаю, где искать ее и Анта.

Наверное, поганка не ждала никакой опасности, потому что дверь она не заперла. Выждать время, напряженно прижавшись ухом к филенке, угадать, когда паразитка отойдет то ли в глубь комнаты подальше, то ли в другое внутреннее помещение, удалось довольно легко. Как и протиснуть свое приземистое и слегка отощавшее меховое тельце в аккуратно приоткрытую дверь. А уж нырнуть под стол, накрытый парчовой скатертью, и вовсе было делом полутора секунд.

Шикарно живет, блин, сволочь такая. Прямо отдельная многокомнатная квартира у нее тут. Я попала то ли в гостиную, то ли в приемную, фиг знает, как это тут у них называется. А сама хозяйка и ее пленник явно находились еще за одной дверью, может, там спальня?

Вдруг я расслышала, как полилась вода, а потом явно запахло чем-то травянисто-цветочным. Тут и ванная есть? И эта сучка в ней сейчас плавает? Ххе!

Я угадала. Из гостиной еще одна дверь вела в короткий коридорчик, слева Ленка плескалась в отдельно пристроенной к покоям купальне, справа была спальня, а прямо, в узком отнорке наподобии кладовки стояла здоровенная клетка, в которой сидел Ант. Сидел и смотрел на меня сквозь прутья внимательно, словно давно ждал и наконец дождал-

ся. А самое удивительное, что он ни фи́га не выглядел ни несчастным, ни подавленным!

– Точка? Быстро сюда! – он ткнул рукой в притулившийся между боком клетки и стеной тюк какого-то сена. – Прячься за ним, а когда эта дура заснет, поговорим!

За сеном этим я просидела еще час, наверное, жутко злая и нервная. Хотя вроде еще не настолько близко к утру, но меня дико раздражала и наплескавшаяся уродина, и ее фальшивое сюсюканье около клетки, и возня в спальне. Наконец, подлюка угомонилась и Ант, тоже напряженно вслушивавшийся в звуки из ее комнаты, шепотом позвал:

– Точка?

Я выбралась из-за сена и просунула нос внутрь клетки сквозь более широко расставленные прутья. И лизнула брата куда достала – в руку, в щеку, в нос...

– Ну ладно, ладно! – отпихнул он меня через полминуты. – Ты прям как Таха... ты... говорить можешь?

Я выразительно покрутила лапой у виска и чуть слышно фыркнула. Он сам бы попробовал разговаривать с такой пастью. И задумалась, не перекинуться ли мне в человека. Блин, а если взвою от боли, не удержусь? И обратно потом... не настолько я еще хорошо это дело освоила...

– Чучундра, мысленно можешь попробовать со мной поговорить? – Ант высунул руку из клетки и дернул меня за ухо. Я увернулась и сделала вид, что вот щас как цапну! А сама задумалась – и правда.

«Прием, прием! Земля вызывает Марс! Есть кто живой в этой башке?»

«Ты еще скажи – передаем последние известия. Дурында, как ты выбралась?! Где тебя держат, и почему в шкуре?»

Уфффф... работает.

Я секунду подумала и полезла опять за сено. Мысленно можно и оттуда разговаривать, вдруг стерве пописать ночью приспичит, возьмет да попрется. Я ее заранее, конечно, услышу, но нафига нам нервотрепка лишняя?

«Правильно, сестренка. А теперь рассказывай»

Еще минут через пять краткого отчета я подошла в своем рассказе к тому моменту, как нашла Анта и... замолчала. Как сказать ему, что я видела... что его... как его... у меня не только слова в горле застряли, но и мысли в башке.

Ант посмотрел на меня очень внимательно и быстро отвел взгляд. Катнул желваками на скулах и снова уставился в упор.

– Хреново, что ты это видела. Б...ля! – он вдруг с силой ударил кулаком в каменный пол, но тут же взял себя в руки. – Перед вами мне реально фигово так... опускаться.

– Перед нами? – я всегда понимала Анта, как никто, и уловила главное.

– А перед этой дурой, на всю башку гребнутой, мне... – он довольно точно, но матерно выразил свое отношение, криво, зло усмехнулся и пояснил:

– Надо будет, я еще не так прогнусь. Этой дурой управ-

лять не так уж сложно. И вреда серьезного она не причиняет, кишка тонка и воображения как у редиски. Зато болтает дофига. И трахается, – блин, узнаю циничную Антовскую ухмылочку, вот же гаденыш... молодец прямо! – Трахается зачетно. Так что кто кого имеет, это еще два раза посмотреть. Чего б не поиграть с дурочкой в ее погремущки из дешевого порно? Мне, в целом, даже по приколу.

Ну, это он загнул. Просто чтобы меня успокоить. Да и себя самого. Но я только одобрительно взрыкнула – молоток, братишка! Так держать! Если не можешь изменить обстоятельства... выжди, приспособься и ударь, когда не ждут!

– Ты меня понимаешь, сестренка! – Ант явно приободрился – ему не нужна была моя жалость, она сделала бы только хуже. А вот моя поддержка...

– Значит так. Слушай и запоминай. Первым делом найди Гюрзу – она на нижнем ярусе, где-то возле кухни. В прислугу определили, суки, но явно чего-то ждут или придумывают. Но ее почти не тренируют на смену облика. Ты нереально крута, сеструха, раз смогла сама перекинуться. Я пытаюсь каждую ночь, пока по нулям. Но теперь напрягусь вдвое – раз ты смогла... ладно, это лирика. Бер, Рыжий и Дарк где-то в казарме на средних уровнях. Они там, блин, типа, как в армии, духи при дедах, на пинках летают в основном, но их еще и натаскивают. И обещают всякие плюшки за лояльность.

– А Таха? – мне очень не понравилось, что Ант от Гюрзы

сразу перешел к парням, не в его это было привычках, забыть о важном и перескочить через тему.

– Не знаю, – брат скрипнул зубами и отвернулся. – Про Таху эта сука ничего не говорит, только усмехается как-то особо мерзко. Но узнаю! Мне тоже тут один крысеньш про лояльность поет и даже обещает защиту от бешеной сучки. Да только я еще посмотрю... чью глотку первой перехватить. Теперь у нас связь будет, если ты ребят найдешь и не спалишься. Выберемся! Главное, все наши живы!

– Выберемся! – я согласно кивнула, потом снова наскоро облизала его приникшее к решетке лицо и попрощалась:

– Я завтра приду! Но позже – сначала попробую найти кухню и Гюрзу. Расскажу тебе все! Ты умный, ты сообразишь, что дальше...

– Ты тоже не дура, сестренка. Будь осторожнее, а то уши надеру! – Ант изобразил дурашливую усмешку, а у меня сердце сжалось. Как бы он ни храбрился и как бы ни умел манипулировать этой падлой – оставлять его одного, голого и в клетке было стремно до невозможности.

Следующие две ночи я деловой колбасой шустрила по всему улью, разыскивая проходы, подходы, подлазы и пути тактического отступления. Заодно тырила все, что плохо лежит, частью к себе в яму, чтобы надежно прикопать, частью к Анту в клетку – это из съестного, потому что сучка придумала новую забаву – если не морить его голодом, то впроголодь держать, дескать, так котик лучше понимает команды.

А сторожу своему я один раз приперла и оставила в камерке бутылку с жутко вонючей местной табуретовкой, стыренную у другого похожего индивидуума. Чем разом погасила все его похмельные утренние сомнения насчет пропажи еды. Ибо ни один нормальный вор не принесет взамен украденной жратвы такую ценную вещь, как самогон...

Нормальный не принесет, кто бы спорил. А мне пьяный сторож прям нравился до изумления, у нас с ним горячее сотрудничество наладилось – он бухает и спит, я гуляю и жру. Идиллия же!

Но подходы к кухне и Гюрзе я нашла только на третью ночь. Для этого пришлось с риском для шкурки, лапок и жизни сползть по внешней стене улья на четыре этажа вниз, потому что внутри громады все проходы были или заперты, или охранялись так, что мышь не проскочит, не то что толстенный барсучок.

И вообще каждый этаж оказался офигенски здоровенный, даже не считая опоясывающих его террас с двориками, садиками, огородами, мастерскими и другими хозяйственными постройками. Целый многоэтажный город! Со своим населением, подчиненным какой-то странной иерархии, в которой мы с Антом пока до конца не разобрались. Хорошо еще, что это население ночью преимущественно спало, а не шлялось по этажам, мешая моим исследованиям.

Кухню на нужном этаже я вычислила по запаху. Моя медоедская натура возликовала и начала истекать слюной да-

же раньше, чем я сама обрадовалась тому, что сейчас увижу сестренку. Вообще, оказалось, что детдомовская психология очень даже сочетается с медоедским отношением к чужой собственности. Чего нашлось – то и мое, а кто не убежал или не спрятал вовремя – тот сам дурак. Красть нельзя только у своих, а своих в этом гигантском иномирном городе-улье было раз два и обчелся.

Полночи все равно пришлось просидеть в засаде в выгребной яме в углу кухонного дворика. Потому что какие-то долбанутые личности все никак не желали уgomониться и туда-сюда сновали по нужному этажу, как чертовы муравьи. Запах Гюрзы я чуяла, а приблизиться не могла, злилась и от злости сожрала какую-то очень вкусную тухлятину. Ну хоть тут польза...

Наконец суeta уgomонилась, и я тенью выскользнула из по-мойки, пригибаясь к земле, прошмыгнула через дворик и по-ползла вдоль малюсеньких каморок у внешней стены улья, разыскивая ту, откуда пахло сестрѐнкой.

Глава 10

Гюрза обнаружилась в третьей по счёту комнатёнке. Всё бы ничего, но эти изверги в крошечное пространство, размером с собачью будку, утрамбовали аж четверых таких девчонок. И они там спали чуть ли не друг у друга на головах. И очень удачно, что Гюрзу, видимо, как самую угнетенную женщину Востока, вытолкали с подстилки почти к самому ничем не загороженному проему, на холод.

Гюрза ещё не спала, лежала, свернувшись клубком, и дышала на пальцы. Но не плакала и ни о чем не просила. Вообще, вела себя очень тихо, будто не ёж-мутант, а серая мышка. Узнаю брата Колю... в смысле, нашу ехидну.

Я подобралась почти вплотную и очень осторожно, чтобы не напугать, толкнула её носом в спину. И тут же мысленно зашипела:

«Только тиххххо!»

Гюрза вскинулась. Слишком резко она подпрыгнула, заозиралась, но сообразила быстро, замерла, даже не шелохнулась, оглянулась на соседок.

– Тихо ты, спать же мешаешь. Дура недоделанная! – тут же раздалось из глубин каморки. Да таким голосом противным, прямо наша воспетка из коррекционной группы. Сразу зубы зачесались кому-нибудь чего-нибудь отгрызть.

Гюрза говорившей не ответила, перевернулась, увидела

меня. И молча как цапнула за шею, уткнулась лицом в мех и замерла. И я даже не дернулась, хотя она меня чуть не придушила. Её так затрясло...

Гюрза молчала, не издавала ни звука, ни всхлипа, но горячие слёзы бежали по лицу ручьями, впитываясь в мою шерсть. А я думала, кого мы с парнями уе...шим первыми. Довести нашу змеюку до слез – это постараться надо было. Убью гадов!

Впрочем, Гюрза довольно быстро оклемалась и взяла себя в руки. Пальцы не разжала, она словно сама не понимала, что продолжает тискать меня за шею. И слёзы продолжали течь, но уже не ручьями.

«Точка?! Как?»

«Каком вбок! Ты как?»

«А что мне сделается? Видишь же, при кухне, как всегда, посытнее местечко нашла, да потеплее, – тут Гюрза зло усмехнулась в своей обычной саркастической манере. – Точка, ты мне скажи, ты как? С парнями-то я иногда вижусь. Тебя на занятия ни разу не привели... Как и Таху. Я чуть с ума не сошла, думала... вас...»

«Меня в яму посадили, и Марук каждый день тренирует отдельно. Наверное, и с Тахой так, просто у нее жопа толстая, тяжелая, сама вылезти не может, – я попыталась свернуть ситуацию в юморную сторону, хотя за пропавшую подругу у самой сердце который день болело. – А я ночами вылезаю.»

«Наверное? Меня ведь, когда Марук решал, куда спла-

вить, признал неудачной. И что-то про течку сказал непонятное. Урод! А Таху, наоборот, за ипостась хвалил. А про тебя вообще молчит, словно и не было тебя... Точка, так страшно было...»

«Ну тихо, все. Все живы, Таху найдем, Анта я сегодня уже навестила, нормально все у него. До пацанов в ближайшие ночи доскребусь. Все, кончай трагедию, выберемся! И как ошейники снять, придумаем! Ну и что, что током бьются и без ключа не открываются, как-нибудь сладим! Ты давай лучше рассказывай, чего успела подслушать и понять, у тебя место козырное – на кухню ж все сплетни стекаются!»

«Выберемся,» – но прозвучало слишком неуверенно. – «Понять мало что получилось, честно говоря. Мы попали в клан, один из сильнейших в городе. Оборотни тут в основном боевая сила, мускулы клана. Нас как бойцов использовать хотят. Подчинят, привяжут, но как именно... я не знаю. В одном уверена – это у них на промышленный поток поставлено. Умеют они... привязывать.»

«Значит, свалим раньше, чем придется узнать на себе, – твердо пообещала я, лизнув Гюрзу в нос. Она бы, может, и дальше хандрила и ныла, бывают у нее такие моменты, да вот зубы-то я не чистила и мой поздний ужин ее взбодрил прямо на глазах.»

«Фу! Точка! Чем тебя кормят?!»

В общем и в целом, за Гюрзу я успокоилась. А про ребят мне каждый день Ант докладывал – их днем вместе дресси-

ровали, только его потом обратно к Ленке в клетку отводили. И Ант уже успел парням как-то умудриться передать, что я в порядке и буду искать их по запаху.

Оставалось найти Таху, и тут наше везение повернулось к нам задницей. И закуפורило все возможности наглухо, как в танке...

Но я не сдавалась. До казармы, где держали парней, оказалось добраться еще сложнее, чем до Гюрзы – их «средние» уровни были этажей на шесть ниже, чем кухня. Но я упорно каждую ночь осваивала очередной нижний этаж, наскоро проводя там ре-ко-гнос-ци... тьфу. Обследовала я их на предмет, чего полезного стырить и на что опасное не нарваться. Попутно успеваю навестить и подкормить Анта и Гюрзу – ее при кухне тоже не особо баловали разносолами. А мне чего – я любую падаль из помойки сожру и довольна, так что всю нормальную жратву ребятам волокла.

Вы когда-нибудь видели медоеда с самодельным рюкзаком за спиной? То-то же! Ант в своей клетке полчаса нервно ржал. Зато когда я уходила, накормленный парень с новыми силами начинал упорные тренировки. Перекинуться самостоятельно у него пока не получилось, но он уже как-то прорастил когти на одной руке, и черную густую шерсть на другой. Потом до утра, бедолага, пытался впитать это дело обратно, чтоб не запалили.

А Гюрза не парилась – от ее ехидны толку в бою – только если развернуться и в морду врагу колючим задом прыгнуть.

Да ей и некогда было – на тренировки к парням ее хоть через раз, да таскали, а в остальное время, рабовладельцы хреновы, заставляли пахать так, как древним египтянам на строительстве пирамид не снилось. И еще каждая местная сволочь считала себя вправе пнуть и свои обязанности на новенькую-бесправную перекинуть. Гады.

Если бы не случай, замучили бы эти изверги сестренку. Я-то помочь не могла, разве что подкормить... но вот примерно на пятую ночь исследований моя растолстевшая на помочных харчах тушка потеряла равновесие на гребне очередной стены, и я неожиданно кувыркнулась не просто в очередной двор, а в какую-то яму, полную жидкой... э... грязь обычно не светится.

Вляпавшись в непонятное кашко лапами и мордой, я инстинктивно рванула назад и выскочила на твердый берег, но едва не... эм... кирпич не родила с перепугу, потому что под пробитой подсохшей корочкой грязь вдруг засветилась зеленовато-призрачным светом, и точно так же засияли мои маленькие ловкие лапки. И усы. И, судя по всему, морда.

Ой, беда! Я ж теперь мало того, что отсвечиваю, как маяк во тьме, так еще и следы светящиеся оставляю... караул!

Пришлось повозиться, не слишком качественно оттирая лапы и морду об землю, а потом взрыхлить сухую почву и спрятать в пыли следы преступления. И только после этого я задумалась – что это за бяка такая нехорошая? Вроде не ядовитая, и свечение знакомое... у Славки когда-то был талис-

ман из настоящего дома – маленький и очень страшный чебурашка, вырезанный почему-то из камня, у него были выпученные круглые глаза-бусины, которые точно так же светились в темноте. А! Фосфор же!

Фиг знает зачем, но вдруг пригодится? У меня в рюкзачке как раз есть подходящий горшочек...

Перекинуться в человека, набрать светящейся грязюки и снова стать медоедом было делом трех минут. Иш ты, как круто я натренировалась. Днем, когда приходит Марук со своей шайтан-машинкой, уже приходится нарочно вопить и изображать судороги.

Обидно, что из-за грязюки я потеряла много времени и не успела дообследовать этаж. Зато, когда на обратном пути я заглянула к Гюрзе, кирпичик едва не отложил кое-кто другой.

Слава грязи, блин! Иначе я бы не успела злобно зарычать и впиться в жирную задницу какого-то бугая, зажавшего сестренку прямо там, у каморки, и уже приспустившего вонючие портки. Ах ты ж сука!

Гюрза молча боролась, но бугаина был раза в четыре тяжелее. И у меня снесло крышу – какая, нафиг, конспирация! Злобно взревев, я прямо с кромки стены бросилась насильнику на спину, целясь в жирный загривок, но промазала и смачно цапнула за дергающийся оголенный зад.

Урод тоже заорал, отпустил жертву и повалился на спину, чуть не придавив меня своей тушей, еле успела отскочить!

Гюрза невнятно всхлипнула, шарахнулась, но тут же вернулась обратно, готовая сражаться. И вернулась сестрёнка с палкой.

Не-ет, подруга, эту кучу дерьма палкой не перешибить. А вот вспрыгнуть на все еще воющее тело и оскалиться прямо в морду, когтями раздирая и рубаху и кожу до крови – вполне!

– Шархахуш! – непонятно завопил насильник. Гляделки субъекта стали круглыми от ужаса и начали закатываться под лоб, но я так озверела, что была уже не согласна на простой обморок.

– В глаза смотреть, ссука! – тятнутый для профилактики за жирное горло урод снова захрипел, но сознание терять передумал.

– Пощади, неназываемый, пощади! – невнятно проблеял он. – Матерью клянусь, принесу тебе жертву и буду молчать!

Э? Хм... Гы! А морда-то у меня до сих пор светится, и зубы тоже, по ходу! Шар... хуху... кто?! Бабайка, небось, местный? Хе!

– Замри, несчастный! – пришлось импровизировать на ходу. Грызть его насмерть я уже передумала, ибо есть подозрение, что Гюрзе это только боком выйдет. – Еще раз посмеешь тронуть отмеченную мной, и я приду в твои сны, в твой дом, в твою смерть и заберу твою душу! И яйца оторву!

Уф. Ну как?

Впечатлился. Обосс... обмочился, гад вонючий. Фу. Ну вот фу же! Даже грызть такого противно.

Я спрыгнула с трясущейся и тихо скулящей туши, демонстративно вытерев об него лапы, подумала секунду и... хе-хе-хе. А вы не знали, что медоеды – это такие африканские скунсы? У нас тоже есть особая железа, да. Не все ж одному этому какашке на меня вонять!

Самое удивительное, что я чувствовала – набитый в клетушки у стены народ уже не спал. Но судя по звукам и запаху, боялись они еще больше, чем жирный урод, валяющийся посреди двора.

Забились как можно глубже и прямо-таки не дышат, тараканы чертовы. Хоть бы один вступился... за Гюрзу! А нет – так нате вам:

– Кто еще посмеет обидеть отмеченную, вырву душу и сожру!

«Ну, Точка! – в голосе Гюрзы слышалось неприкрытое восхищение. – Ну!»

Других слов у сестрѐнки не нашлось. Ну а я, демонстративно потеревшись о ее ноги, вспрыгнула на стену и сгнула в ночи, как и положено всякому порядочному очень страшному и опасному бабайке. Хе-хе.

Глава 11

Следующей ночью я не нашла Гюрзу в привычной камерке, и, если честно, испугалась. А вдруг мои детские выходы с игрой в бабайку ей навредили, и... и что?!

Однако, взять себя в лапы удалось довольно быстро, потому что сообразительная Гюрза наверняка сознательно оставила мне дорожку из своего запаха. Для этого ей пришлось пожертвовать тем жалким подобием рубахи, в которую её обрядили, но обрывки мешковины, как хлебные крошки, безошибочно привели меня к внутренней двери в самом углу двора. Не запертой, хотя я точно помню, что как-то раньше попыталась сюда сунуться, но замок одолеть не смогла.

– Точка? – шепотом позвали откуда-то из-за угла, и я, не колеблясь, просочилась в узкую щель между приоткрытой дверью и косяком.

Глаза быстро привыкли, нос безошибочно определил направление, и через три минуты я уже обнималась с сестрой в какой-то камерке, в дальнем ответвлении основного коридора.

«Точка, всё-таки ты нечто. Ну ты и учудила! – сестренка схватила меня поперек пуза и притиснула к себе, как плюшевого мишку. Я только пискнула обреченно, но даже не сделала попытки освободиться. – Меня твоими стараниями аж в помощницы к здешнему завхозу назначили! Это вот почти

как в помощницы к господу богу среди здешних утырков! Офигеть ты везучая! Это ж надо было так угадать!»

Пока Гюрза меня мяла, как антистрессовую подушку, я перевела дух и хвостом перекрестилась – я и правда везучая. И не только я...

«Ты, Точка, попала в точку. Оказывается, у местных есть легенда про первого похищенного оборотня. Типа справляться с иномирцами научились не сразу, первый дрессироваться не хотел, и его насмерть замучили. С тех пор его неупокоенный, жаждущий мести дух бродит по коридорам кланового гнезда, выпивает души. И зверем ходит со святащимися зубами, и скелетом человека. И таки да! Иногда выбирает любимцев-оборотней, которым покровительствует. Знаешь, у них это даже не сказки, а почти религия!»

«То есть, я бог?» – это уточнение показалось мне почему-то крайне забавным, и я сдавленно захрюкала, изображая смех по-медоедски.

«Скорее, демон, – хихикнула сестрёнка, прикрывая ладонью рот. – Мертвый демон, про встречу с которым ни в каком случае нельзя рассказывать, а то или душу выпьет, или... э... яйца оторвет. Они так и верят, прикинь?»

«Душа мне нафиг не сдалась, а яйца могу, – согласилась я. – А как они про то, что я этого... он вообще отмылся, или так и бегаёт вонючкой?»

«Он не бегаёт, и даже не ползает, – в голосе сестры прорезалось искреннее злорадство. – Слёг и стонет, просит ми-

лости. И воняет... трындец как! К нему даже подходить бояться! А ещё болтают, что он в комнате в твою честь алтарь возвёл! И режет там кур. В жертву!»

«Кур? Мне? Эт-т-то интересно! – в животе отчетливо заурчало. – Надо посетить, пожалуй, принять подношение. Так уж и быть, сделаем одолжение»

«Ты только не спались, – озабоченно предостерегла Гюрза. – Между прочим, явлением демона Ленка интересовалась. Лично припёрлась и расспрашивала. И знаешь, расспрашивала как-то странно. Будто в историю с появлением неизвестного существа она верит, а в злобного пожирателя душ – нет.»

«К тебе полезла?»

«А к кому же ещё? Полезла. Но она ко всем полезла. Плевалась, угрожала. Ей же сами, кто тебя видел, ничего не сказали. Она и так, и сяк, даже на ком-то ошейник опробовала. Молчат. По ходу, демона они боятся больше, чем ее. Болтают-то те, кто тебя не видел, уже к финалу набежали. Ну и просто... болтают. Ты у нас прилетела на истлевших крыльях нетопыря, разорвала троих оборотней и сожрала на месте, дышала огнем и смрадом и была величиной как минимум со слона. Прикинь? Потом ты раздулась ещё больше и лопнула, разлетевшись чёрными ошмётками. Типа пометила смертников смрадом разложения. А твоя душа зелёной воющей тенью взметнулась к небесам и пропала на луне».

«Сами они разложение. Смрадное, – обиделась я. – А у

меня нормальный запах едкой боевой черемухи, и фиг они его смоят еще недели две!»

«Откровенно говоря, запах у тебя тухлячий. Из пасти. Я даже думаю подарить тебе буклет о пользе чистки зубов».

Пфы! Подумаешь. Я тут ни с кем целоваться не собираюсь. Но ради ребят могу травку какую-нибудь пожевать, так и быть.

«Так что там с Ленкой? Что она тебе сделала?»

Гюрза передёрнула плечами и не удержалась от брезгливой гримасы.

«Да ничего, в общем-то. Ошейник включила на пару минут. Но я ей скормила дезу. Ну, кто-то был, а кто я понятия не имею, темно же. Но точно не призрак. Собака? Я отлетела в другой конец двора, ничего не видела уже. Только этот идиот орал дурниной, а потом обделалася, больше ниче не знаю.»

«Поверила?»

«Поверила, что кто-то живой куролесил. В собаку – нет. Но вроде бы тебя не подозревает. Кажется, думает, что на территории чужак. Они всполошились все, я даже Марука видела на кухонном уровне. Точка, ты бы не лезла пока к парням? Везде дополнительную охрану выставили.»

«Понимаешь, у меня впечатление, что время уходит» – я озабоченно почесала ухо задней лапой и прошлась туда-сюда по заваленной какими-то тряпками каморке. Кстати, Гюрзу со вчерашнего приодели и дали помыться, а еще от нее пах-

ло нормальной едой и в глазах больше не было лихорадочно-голодного блеска. Так что сестренка у нас временно пристроена, можно выдохнуть. А вот парни...

«Не могу объяснить, но вот в воздухе... в обрывках разговоров, что Ант подслушивает, во взглядах этих... чего-то они словно ждут. И это что-то нам точно не понравится. Надо валить раньше.»

Гюрза только головой покачала.

«Точка, как валить, если ты Таху не нашла?»

«Потому и не могу пока затаиться и не вылезать. Искать надо! И к парням подход обязательно найти, и на нижние уровни. Вдруг Таха где-то там?»

«С парнями через Анта связь держать можно» – протянула Гюрза явно, чтобы уговорить меня не рисковать шкуркой. Ну... она-то не чувствует, наверное. И вообще сегодня расслабленно-утомленной выглядит, сытой. Еще бы, после стресса... Наелась от пуза, перестала трястись, что зажмут в углу. Я бы на её месте, возможно, тоже... не расслабилась, но захотела паузы.

«Связь это хорошо, но мало. Надо иметь возможность собраться в нужный момент всем вместе, все ходы-выходы разведать.»

«Тогда не знаю... ну... давай я тихо слухи распушу, что призрак первого все еще здесь? Ты чем вчера перемазалась таким жутким, что у тебя зубы и когти светились?»

«Фосфором. Нашла случайно в заброшенной яме тремя

уровнями ниже. У меня еще есть. Только если намазаться, я же буду как светлячок по коридорам рыскать, все кому не лень разглядят!»

«Точка, а это мысль! – Гюрза аж подпрыгнула и даже в ладони тихонько хлопнула. – Ты же перекидываешься легко. Намажь человеческое тело, и будешь зверем-невидимкой и демоном одновременно!»

«Гы! – вдруг обрадовалась я. – Помнишь, как Славка в какой-то передаче увидел как человек под скелета гримируется? Все тело черной грязью вымажу, намалюю типа кости светящиеся, и череп на морде! Кто увидит – на месте тапочки склеит!»

Но Гюрза нахмурилась.

«А краска на коже останется? Одежда пропадает. Но краска не одежда, она не посторонний предмет, а с кожей сливается».

«Хм... да, в яме мне отмываться негде. Надо подумать, как не спалиться.»

«Отмыться я помогу. Воды, мыла натаскаю сюда. Тряпок тут до фига и еще маленько. Заныкаем грязные в самый дальний угол, туда никто и не заглянет еще сто лет!»

«Отлично. Тогда помоги прямо щас заскелетиться, у меня горшочек с фосфором с собой,» – я скинула со спины рюкзак и через мгновение поднялась с четверенек уже человеком. И опять была сцапана Гюрзой в охапку. Упс. Сеструха явно по человеческому общению заскучала.

Глава 12

Долго нежности не продлились. И то слава пряникам. Гюрза быстро собралась и переключилась в рабочий режим: «Давай-ка сначала просто проверим, прежде чем скелет рисовать».

Аккуратно откупорив горшочек, Гюрза придирчиво осмотрела содержимое, даже принялась. Поставила горшочек на пол, отошла к тряпкам, выбрала одну потоньше, оторвала лоскут и намотала на палец. Типа кисточка. А молодец, ей руки пачкать и отмывать потом ни к чему. Гюрза сцапала меня за руку и, подумав, изобразила мне на тыльной стороне ладони непонятную разветвлённую закорючку. Не скелетно как-то. Гюрза отмахнулась:

«Я хочу понять, как оно сохранится после перекидывания туда-сюда. А вдруг размажется? Надо разные линии и мазки попробовать».

Ну чего, разумно. Гюрза у нас голова.

– Так..., – задумалась она вслух. – В том ролике вроде бы ещё чёрным рисовали. Фон. У нас это грязью будет? Давай...

Нарыть глины слегка смочить и измазать руку труда не составило. Грязи вокруг... много. На этом этаже я всего лишь к выгребной яме смоталась и там нарыла сколько надо.

Гюрза, увлечшись художественной росписью по моему телу, как-то словно воодушевилась, стала гораздо больше по-

хожа на себя прежнюю, уверенную и спокойную.

Сестрёнка отступила на шаг, осмотрела меня внимательно-но.

«Давай, Точка, меняйся».

Я сконцентрировалась, по телу прошла волна, и я привычно оказалась на четырёх лапах.

Сестренка озадаченно почесала нос.

– Ну в целом... на шерсти ни следа. Давай теперь обратно! А то вдруг при новом обращении пропадет весь рисунок и останешься, как голая в бане.

Я вздохнула и через полминуты снова стала человеком. Оглядела себя. «Макияж» оказался на месте.

Не знаю, кто больше обрадовался, я или Гюрза. Погрузившись в работу с головой, сестрёнка обо всём забыла. Лоскут, кстати, скинула, пальцем-то рисовать всё же удобнее.

Короче, через час я бы сама себя испугалась до откладывания кирпичей, которых хватит на средний такой домик. Черная грязь отлично помогала слиться с темнотой, а нарисованные светящиеся кости смотрелись зашибись как натурально. Я еще череп художественно проапгрейдила, Гюрза по моему указанию намалевала мне на лице приоткрытую пасть с клычищами. Причем стоило мне по-настоящему открыть рот, и картинка на коже растягивалась, делая монстропасть кровожадно распахнутой аж как чемодан. Жесть! Круть!

А кто не испугается, я не виновата, фирменной медоед-

ской «черемухой» пугану. Пока проморгается – успею смотаться! Кстати, эта вонь еще и нюх конкретно отбивает, так что по следу никто не пойдет!

– Ладно, я на разведку, – дернула Гюрзу за косу и серьезно сказала. – А ты, знаешь... прекращай халтурить с обликом. Теперь у тебя время есть. Вспоминай тренировки, сосредотачивайся на боли – ее легче всего в памяти вызвать, и работай. Мало ли, в следующий раз меня может рядом не оказаться, когда такой бугай полезет. Твоя задача суметь в любой момент показать ему колючую задницу, поняла?

Гюрза поморщилась, идея продолжать тренировки ей, похоже, не слишком понравилась. Ну да, больно, а болевой порог у Гюрзы ниже, чем у меня. И мазохисткой она никогда не была. Но ведь надо! Сестренка зажмурилась и отрывисто кивнула:

– Сделаю, Точка.

Не сомневаюсь, теперь точно сделает, раз так пообещала. Гюрза слов на ветер не бросает.

– Тогда ни пуха!

– К черту в перьях! – сестренка хихикнула, вспомнив, как мы по детству не поняли эту поговорку и долго думали всем коллективом, зачем черту перья из подушки. И ладушки. На этой ноте и оставить ее можно.

Вот так и начались мои похождения в «вечном улье великого клана» в качестве ужасного монстра. Между прочим, слухи потом ходили... короче, если лет через триста еще

будут эти страшилки пересказывать – я не удивлюсь! Кстати, на сковородке мы уже на вторую ночь тоже харю зверскую намалевали, на доньшке. Потому как оставить ее где-то, пребывая в человеческо-скелетном облике я все же не рисковала, а просто так с собой таскать быстро надоело. А теперь могу не только врага с размаху приголубить, но еще и издалека напугать, представ перед ним двухголовым чудищем!

И как вовремя мы с Гюрзой все придумали! Оказалось, что до средних уровней по внешней кромке террас добраться невозможно – там их просто не было. То есть вот раз – и пустота под последним «балкончиком» а до стены улья даже я без крыльев не допрыгну.

Короче, пришлось искать проходы внутри улья. А они все охранялись. Центральные – серьезными ребятами, к которым я сунуться не решилась, а вот вспомогательные, «черные» лестницы для слуг – там было попроще.

О том, что я приду этой ночью, ребят должен был предупредить Ант. Чтобы они меня ждали не в центре казармы, полной чутко спящих оборотней, а где-то на отшибе. И того... пахли погромче.

До Гюрзы я добралась чуть раньше обычного, потому что у Анта задерживаться не стала. И мы с ней уже привычно приступили к сотворению из меня страховидлы скелетообразной.

Гюрза как раз сидела у моих ног на корточках, старатель-

но рисуя кости голеней, а я в это время подновляла страхоморду на сковородке, жирно подмазывая стёршиеся линии фосфором.

И вдруг дверь в каморку скрипнула, впуская в довольно тускло освещенное помещение какого-то парня. Молодого. Здоровенного. Одетого в кожу с ног до головы. Совершенно незнакомого. Ммаааать!

– Вот это сиськи! – восхищенно сказал вторженец, прищурившись на свету в сторону моей голой груди.

А больше он ничего сказать не успел. Потому что нельзя меня так пугать!

Звон от соприкосновения чугунного дна и медной башки пошел, кажется, по всему улью, я аж присела от испуга.

– Ты его насмерть, что ли? – переспросила оторопевшая Гюрза через пару секунд, когда оглушенный неласковым приемом парень молча свалился нам под ноги. Еще бы, приложила я его со всей дури. Могла и убить, но...

– Вряд ли, – засомневалась я, наклоняясь и прислушиваясь. – Дышит. Куда его теперь девать? Может, добьём?

– А труп куда? – резонно заметила сестра. – Слушай, в конце коридора глухая лестница. В смысле, черная, и такая старая, что там половина ступеней обрушилась, а ведет она в никуда, просто глухой отнорок. Давай мы его туда... того? И самогонкой обольем, если найдут – решат, что надрался и сам упал. И словам его не поверят, а он сам, может, ничего толком не вспомнит.

Идея мне понравилась. Вот только лоб у парня оказался гораздо крепче, чем я рассчитывала, и он попытался открыть разъезжающиеся в разные стороны глаза как раз в тот момент, когда мы с Гюрзой за руки, за ноги волокли его к месту «упокоения».

Я тащила похабника за плечи, и он, получается, очнулся практически в раю. То есть, носом мне в девичью грудь.

– Какие си-иськи... – пробормотал этот смертник. – Какая баба-а...

– Тьфу, греховодник! – я удачно вернула любимое Мамафимино словечко и с облегчением разжала руки. Прямо над темным провалом старой лестницы.

Глава 13

Карл:

Новая дверь «Придонья» разлетелась с полпинка, как и прошлая, и позапрошлая. Эти приколисты почему-то никак не могут подобрать створку под мой размах. Да и вообще «Придонье» плохо меня выдерживает. Хозяева меня не любят, хозяева хозяев – тоже. Зато завсегда и меня обожают. Вот ради них сюда и хожу. Хотя нет.

Ради себя, конечно.

Я обвёл взглядом провонявший отбросами сумрачный зал, дождался, когда меня заметят, особенно главный, и, ухмыльнувшись в лицо бугаю за барной стойкой, рявкнул:

– Всем бухи! За мой счёт!

Га! Одна фраза – а эффект, как у шумовой гранаты. Грохот опрокинутых чурбаков-табуретов, недоверчивые возгласы и всеобщий вопль восторга. Я выжидал чего-нибудь необычного. Мало ли, ждут меня тут с распростертыми объятиями заговоренных капканов. Нет, всё как всегда, можно смело заходить и радоваться жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.